18+

Леонид Кузнецов

КОМИКС ПРО ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО...

Часть вторая

Леонид Кузнецов

Комикс про то, чего не было… Часть вторая

«Издательские решения»

Кузнецов Л. В.

Комикс про то, чего не было… Часть вторая / Л. В. Кузнецов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909910-5

Нет в Колеснице Иезекииля никакой тайны. Не в Колеснице тайна. Да и вообще никаких тайн нет, если ты проснулся! Есть только тишина и покой. И воля. Безмерная! Когда возвращаешься… Туда, где был всегда. Где невозможно перестать быть и где время и смерть становятся просто словами.

ISBN 978-5-44-909910-5

© Кузнецов Л. В.
© Издательские решения

Содержание

Ершалаим. 6
А почему это я должна стыдиться? 13
Нас ведь трое? 17
Если мое пророчество не сбудется, можешь побить меня камнями! 26
Еды не давай. Только воду. 29
Не знает он, идиот, о каком озере Исаия говорит!… 32
Как ты себе представляешь – проснуться в могиле? 37
Может, лучше белых коней купить? 41
Ну и о чем ты плачешь, лиса рыжая? 44
Да чтоб он сгорел, этот твой Ездра! Чтоб его разорвало!… 53
Чуть насмерть меня не уходил. 57
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Комикс про то, чего не было… Часть вторая

Леонид Владимирович Кузнецов

© Леонид Владимирович Кузнецов, 2018

ISBN 978-5-4490-9910-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ершалаим.

Вечно пьяные, а потому до злости ретивые стражники Сузских ворот слишком поздно углядели надвигающийся на них царственный поезд, сопровождаемый четырнадцатью римскими всадниками. Спохватились и, бешено выпучив глаза, кинулись палками разгонять мешающую проезду небожителей толпу визгливо орущих зевак, непонятно откуда набежавших поглазеть на величественную процессию. Огромная неповоротливая колесница первосвященника, плавно раскачиваясь, взлезла на горбатый мост, лениво наехала шестью безжалостными жерновами на разомлевший от жары вечерний, уже пахнущий жареными каштанами город и раздавила его своим высокомерным великолепием. Легкий крытый фаэтон из светлого ливанского кедра, весело юркнул в ворота следом за ней. Несмотря на притороченные к его мягкой кожаной крыше воинственные штандарты Юлиев и римского прокуратора выглядел он легкомысленной скорлупкой. Элегантной игрушкой. Эдакой подстриженной, бестолково суетящейся и совершенно неопасной собачонкой, болтающейся на поводке у молчаливого, знающего себе цену хозяина, совершающего вечерний моцион после доброго ужина.

Мария, принципиально не пожелавшая покинуть свой фаэтон, была вся пунцовая от гнева. Она даже не смотрела в окно! И где-то ее можно было понять. С какой стати она должна ехать со взрослыми в брюхе золоченого мастодонта, на который, как она чувствовала, в эту минуту были обращены восторженные взоры всего Ершалаима, когда она обзавелась собственной каретой? Да еще такой красивой! Но спрашивается, зачем же было тогда срываться на Константина, резонно и в общем-то спокойно заметившего ей, что либо Принцесса плетется в хвосте поезда, глотая пыль и горечь невнимания толпы, либо перестает валять дурака и пересаживается в более комфортабельный экипаж, который, кстати, персонально за ней прислал один из самых уважаемых людей Иудеи? Ведь сама же себе хуже делает…

Девчонка и так уже сомневалась в том, правильно ли она поступила, не послушав Константина, но… сказала и сказала. Так ведь еще и голос на него подняла. И ногой топнула. Сглупила, короче. Ну и что теперь? Не отступать же… Увы, признавать свои промахи было не в ее стиле. Не привыкла она к этому. Не потому, что редко ошибалась и, как можно было бы сказать в ее защиту, имела по части исправления ошибок мало опыта. – Все дело в том, что Ав и Михаэль в минуту принятия ею этого опрометчивого решения уже сидели рядом с ней. На кожаном диванчике напротив. Ну, сидели… И что? – А то, что когда трое этих малолетних бандитов оказывалась в одном вместе, вот как сейчас, и, перебросив друг другу брызжущий зелеными искрами электрический заряд, заключали меж собой таинственное соглашение, словесно выражавшееся в незамысловатой формуле – “нас трое!” (что непременно нужно было произнести вслух, пусть даже и шепотом, а иначе не срабатывало), их светловолосая предводительница оказывалась в выигрыше. Во всем и всегда. Что бы ни сказала или ни сделала!

То есть Мария выигрывала любой спор, выходя сухой из воды даже в тех ситуациях, когда не имела к тому ни малейших предпосылок, а то и вовсе несла откровенный вздор, откалывая на людях какую-нибудь несусветную, оскорбляющую рассудок глупость. Чушь, казалось бы, очевидную для всех. Казалось бы… Нормальным людям… Только нелепица эта вдруг чудесным образом переставала таковой быть, тая словно облако и превращаясь во что-то вполне разумное. Не просто в понятное, а в самое что ни есть обыкновенное. В привычное! Причем происходили эти цирковые метаморфозы в режиме реального времени, то есть буквально на глазах у публики. С глаз обывателей словно бы вдруг спадала пелена. Или эти дураки выкарабкивались из сна, просыпаясь из своего грустного обморока в новую радостную жизнь. И ведь вероятность чуда была – один на миллион! – Каковой счастливый шанс Марии и выпадал. С завидной регулярностью. Да почти всегда! Вот, к чему у нее выработалась привычка. Или

зависимость?… А кому бесплатное везенье не вскружит голову? Не зальет пьяным восторгом щели, сквозь которые на тебя смотрит тоска. И напрочь сломает тормоза!…

Друзья сидели на расстоянии вытянутой друг от друга руки. Но смахивающую на вопрос обязательную фразу “нас трое” обычно ведь проговаривала Мария… Она и только она поворачивала ключ. Ну, так всегда было. Мальчишки лишь подтверждали, что мир по-прежнему вертится вокруг них. Точнее вокруг нее… И какая муха укусила ее сегодня? А чему тогда удивляться? Решила молча ехать? – Давай! Сколько влезет! Только ведь, как сказал Константин, будешь и “пыль глотать”, и что там еще…

– И эти два дурака смеют еще уверять, что любят меня!, —

гудел внутри Марии готовый взорваться раскаленный котел.

А она изменилась…

– Ав, правда, ничего такого мне про любовь не говорил, но после того, что у нас было… Я же не слепая! Опять же, чуть что – целоваться лезет, дурак! Как будто имеет на меня какие-то права. Можно подумать, что мне это приятно! Забыл – кто я?!… Зато Михаэль говорил. И много раз. Не просто же так он эту свою дурацкую клятву сочинил! – “Умрет он со мной в один день”. – Как же, жди от него!… Жениться он собрался. Кто бы еще за него пошел!… Ну и что они сидят, бездельники? Трусы. Предатели! Вот никого больше не буду любить! А уж целоваться – точно ни с кем не стану, если они со мной так… Господи, неужели она допустят, чтобы меня так унизили?…

Марии захотелось расплакаться – красиво, так, чтобы слезы капали на коленки, а губы при этом не дрожали и не морщились. И чтобы не шмыгать носом, как плачут, наверное, настоящие принцессы, только от возмущения слеза не шла. А было бы, наверное, правильно немного поплакать, чтобы эти двое олухов проснулись и увидели, как ей плохо.

– На меня же совсем никто не смотрит! Вон, сколько народу кругом, а меня как будто здесь нет! Я что – невидимка? Или прокаженная?! Пусть они что угодно делают, дураки, лишь бы…, —

не придумала она еще, что сказать, но, в общем, понятно, чего хотела. —

– Пусть докажут, что любят свою Принцессу. Так, чтобы я им поверила. Господи, да пусть уже хоть что-нибудь сделают! Нас ведь трое сейчас, – как нужно, чтобы все само получилось. Неужели я все должна вслух говорить? А так непонятно, что ли?! Да они издеваются надо мной!…

Тут по переносице Марии мягкой шерстью скользнула серая с коричневым пятнышком мысль, что Ав после этих “безобидных” “само” как-то уж слишком часто стал в последнее время болеть, и она отвлеклась от желания заплакать.

– Так он вообще теперь все время болеет. После того как с моей оливы грохнулся и башку себе расшиб, —

быстро нашлась девушка, прогоняя пушистого доставалу.

– И что теперь? Я-то в чем виновата? Можно подумать, – это я заставила его на оливу лезть! Или сейчас прошу сделать для меня что-то невозможное. И вообще, почему я должна за всех думать? Кто я? – Принцесса! А все знают, что принцессы не обязаны думать! Они должны есть халву и приказывать всем, кто их любит, исполнять любое их желание. А если и думать, так только о том, кому разрешать целовать свою руку, а кому нет! Или плечо… Или… —

не придумала пока что Мария, но в тот момент, когда вспомнила про сад за дворцом прокуратора, к ней непонятно откуда уже третий раз за последний час под волосы закрался, потом быстро обвился вокруг шеи и, заставив вздрогнуть, мокро облизал подбородок зеленоватый запах фиалок, а по затылку на спину потекло что-то густое и теплое. Мурашки дружно сбежали по плечам и, забывшая про слезы преступница с краснеющими щеками, вновь запуталась в прозрачной паутине, вырываясь из бесстыжих рук Ава. Не особо, впрочем, настойчиво вырываясь…

А ведь насчет этого идиотского “само” Мария, как ни странно, почти не врала. Михаэль божился, что ни разу, когда затевалась их тайная игра, то есть заключался этот “невинный” пакт, он ничего не делал. И вообще он не знает, как такие вещи делаются. Более того, не желает знать! Потому как знает из Торы, что за такие шалости полагается. За это, вообще-то говоря, камнями побивают.

И Мария тоже не колдовала. Вроде бы… Да нет, точно. Железно не колдовала! Уж она бы знала! Фокус с волосами – совсем другое. Так что остается Ав…

– А больше некому. Но ведь и этот дурак делает вид, что ни при чем. Впрочем, это его дело: не хочет говорить правду – не надо. Главное, дождаться, когда он начнет тереть виски, и тогда случается все, что нужно. А остальное меня не касается. Пусть даже он из-за этого немножко и поболеет. У меня вон тоже живот в последнее время часто болит! И что теперь? В конце концов мы всего лишь дети. Не озоруем и ничего плохого не делаем. Просто играем…

Самое смешное, что девочка каким-то десятым чувством (заметим, гораздо раньше Михаэля) догадалась. Подошла совсем близко… Почему и запретила жениху лезть “в то, что не нашего с тобой ума дело” и выяснять “всякие глупости”…

– А что Ав немного мучается потом головой, так его, конечно, жалко, но, если он сам не хочет сказать… Не желает признаться… Что ж его – заставлять, что ли?… А может ничего он и не врет…

– С чего это я буду что-то делать? Я бы сказал тебе, —

представила она себе, что с ней заговорил Ав.

– А кто ж тогда? Разве не ты все устраиваешь?

Ава, уже собравшегося, но так и не успевшего ответить, вдруг прогнал из ее головы Михаэль. Вошел, и Ав трусливо сбежал. А Мария как ни в чем ни бывало, словно ничего не случилось и никакого Ава с его железными руками в ее жизни никогда не было, продолжила разговор непонятно с кем. Хотя что тут непонятного? – Очень даже понятно – с кем!

– Впрочем, может быть и я… А почему не ты? Как ты можешь быть уверен?…Или все-таки он?… Вот и хорошо, что ничего не замечаешь. Этого же не увидишь! И не надо это видеть. Главное, что пока нас трое и каждый думает на другого… Я и сама иногда чувствую… Ничего я не дура! И вовсе не психованная! Сам ты дурак глупый! Ах так?! Тогда знай, не хотела тебе говорить, но… Ав говорит нам правду. Это ты ничего не понимаешь! Ничего у меня не семь пятниц на неделе! Да, он симпатичный… Ну и что из того, что он безродный? Откуда мне знать, как он целуется?! Что ты там мог видеть?! Тебя же там не было! Очень хорошо, вот и попробую. И не смей больше ко мне прикасаться!

И вдруг шмыгнула носом.

– Хватит уже на меня злиться. Помнишь, что дядя Иосиф про него сказал? – Что он такой же гений, как мы с тобой. И что это большое для него счастье – учить нас троих, потому что среди нас Бог… А ты правда хочешь на мне жениться? Потому что любишь? А почему любишь? Да вытащи же ты руки из-за спины, дурак! Потому что, если из жалости, то не нужно мне от тебя ничего! Я что, некрасивая?…

Интересно, а что на самом деле Мария думала о роли Ава в этой их странной игре? Во что она в действительности верила? В то, что мальчишка непонятно зачем врет ей и Михаэлю? Или что он скрывает какую-то непонятную правду, которую ей незачем или почему-то неполезно знать? Уж больно противоречивыми были ее высказывания на этот счет. Вчера ей было удобно думать одно, а сегодня она с удовольствием принимает обратное. И все с чистой совестью! Способна ли она вообще распознавать и любить правду или уже изовралась, погрязнув в своих преступных желаниях, до такой степени, что ей стало все едино? – Сложный вопрос. Вруньей, вообще-то говоря, она быть не хотела. – Ничего себе ответ! – Да, вот такой. Мария действительно страдала, когда ей приходилось говорить неправду. И ее мучения умножились, когда Иосиф начал делать из своих учеников волшебников (он употребил другое слово – мистиков,

но Марии оно не понравилось и она его сразу забыла). Он потребовал от них, казалось бы, простой и понятной вещи: представить, что они прозрачны. Нет, он даже не так сказал: не прозрачны, а видимы. Кому видимы – он уточнять не стал. Просто видимы и все. Ну, а раз видимы, то, стало быть, и прозрачны. Это было одно из множества простеньких упражнений, которые он для них все время придумывал. – "Простеньких"!…

Михаэлю сделаться прозрачным удалось без особых проблем. Ему вообще ко многому удавалось придти быстрее других, даже быстрее Ава, отчасти потому, что он по возможности избегал лишних усложнений. И, наверное, еще потому, что был, как говорил про него Иосиф, цельной личностью.

А у Марии в ту пору как раз случились первые месячные. Странное совпадение. Еще и мать зачастила. Стала приходить к ней уже чуть ли не каждый день. И, конечно, помешала дочери почувствовать Бога. Почему и началось вранье. По этому поводу было пролито немало слез. И сказано много ненужных слов. Неправильных. Несправедливых. В том числе и в адрес Михаэля. Непонятно, с какой стати. В общем, с этим упражнением Мария не справилась. Точнее справилась, но не сразу. А когда справилась, сделалась совсем несчастной.

Ав же, выслушав новое задание, куда-то исчез. Аж на две недели! Не в первый, впрочем, раз. Почему его и не искали. Как-то уже привыкли все к тому, что змеи и ядовитые пауки его не кусают. И что он может провести в пустыне несколько дней не то, что без еды, но даже и без воды. Вернулся он весь оборванный и голодный. Поел хлеба, молча взял пальмовый веник и пошел подметать синагогу. На вопрос – где был? – сказал, что спал, а теперь, слава Богу, проснулся. Иосиф забеспокоился, но мальчишка успокоил его, сказав, что теперь с ним как раз все в порядке и что он, наконец, нашел своего отца. Сказал, что они друг друга увидели. Выглядел он при этом до ужаса спокойным. Чуть ли даже не счастливым. Мигрени, правда, после этого не прекратились. Но и явных психических нарушений Иосиф не отметил. А странным?… – Так ведь он всегда таким был.

Да, но мы отвлеклись. Прозвучавший вопрос стоит немного переиначить: – "Способна ли Мария понять, когда ее обманывают?". Если бы кто об этом спросил Иосифа, раввин в глаза рассмеялся бы тому недоумку, потому как Мария чувствовала ложь за сто шагов. Причем еще прежде, чем та зарождалась в голове вруна. Иосиф тысячу раз попадался. Строгий учитель, он испытывал немалые затруднения из-за этого ее крайне неудобного для него дара, потому как преподавать тору и вообще рассказывать что-нибудь про Бога тому, кто с удовольствием верит тебе на слово, это одно, и совсем другое дело… Ну да ладно, не о том сейчас.

А вот Сир никогда дочь не обманывал. Ему это и в голову не приходило. Зачем бы ему это понадобилось? Оно, конечно, принимая во внимание страшную наследственность девочки, ему приходилось что-то придумывать… – Неважно! Она никогда не проверяла отца, поскольку любила его и верила ему безоглядно. Просто так верила. Даже понимая, что не все так здорово… Как верила словам Иосифа, что она – избранная. Наверное, потому, что помнила, как в Греции под зимним проливным дождем отец нес ее на руках, закутав в свой ветхий плащ, а сам дрожал от холода. Они тогда убегали от каких-то плохих людей в черном. А может и не в черном. Но очень страшных… И как потом он отдавал ей свой хлеб. А ей говорил, что уже поел. И она все понимала. Заставляла его тоже съесть немного. А он отказывался. Совсем маленькая была, а запомнила…

Ну а все-таки… – Мог Ав обмануть Марию, так, чтобы девчонка не догадалась о его жульничестве? Мог он скрыть от нее какой-нибудь свой секрет? – Да запросто! Он единственный и был на это способен. Кстати, именно от нее ему и было, что скрывать. Знала б, к примеру, она, зачем он полез тогда на эту несчастную оливу! И почему с нее свалился. Она, конечно, что-то такое подозревала…

Мария первая нашла его в то утро. Когда он лежал без памяти. Совершенно беспомощный. С разбитой головой. Она впервые увидел тогда, какого цвета у него волосы… Казалось бы,

в ту минуту она могла выведать у него все, что угодно, ведь он бредил. К тому же ей действительно нужно было кое о чем его порасспросить. О своих нехороших снах, например. Попробовала. Так вот, даже тогда она ничего из него не выудила. Повязала ему на голову белую тряпку, чтобы больше никто не увидел, как он меняется, когда выходит из себя, и побежала за отцом.

Михаэль лазал потом на то злосчастное дерево, пытаясь понять, что могло понадобиться там этому дураку. Да еще ночью! И что? – А ничего. Пришлось списать инцидент на внезапное помутнение рассудка. Ну полез мальчишка на дерево. И свалился. Да он вообще был странный, почему его и в пираты долго не брали. Мало ли что ему в голову втемяшится. Если он по ночам по деревьям лазает. И с муравьями разговаривает… А тайна у Ава, между прочим, была. И какая! На оливу ведь он не просто так забрался.

А можно подумать – у Марии тайна была не ужасная! Последний год она вела уже практически двойную жизнь, стыдную и невыносимую. И ничего с собой поделать не могла. Хуже всего было то, что с детства она была окружена влюбленными в нее мальчишками. С драками из-за нее, подарками, невинными поцелуями в щеку за амбаром. Все как полагается… Бог с ним – с детством, но сейчас!… Вот если бы у нее были подруги… Хотя… Ну, снилась бы ей вместо Ава подруга! Она пару раз в красках представила себе и поняла, что было бы то же самое. В общем неизвестно еще, что хуже. Сильно страдала девочка…

Так вот: Ав про ее тайну знал, а она его секреты – нет. То есть догадывалась, конечно. Вернее предполагала, но точно не знала. И боялась, что это она сама всякие мерзости про него придумывает. А он на самом деле хороший. И на такое не способен. Никто не мог забраться к нему в голову! Для этого нужно было бы построить стеклянный дом и сделаться таким же сумасшедшим. И самым трудным было для нее то, что днем она свои сны называла мерзкими, а после ужина начинала дрожать от нетерпения. В ожидании. И проклинать себя. И матери в глаза стыдилась смотреть…

А все же, действительно ли Ав знал про ее неприличные сны? – Не просто знал…

Так, ладно, а в самом деле, если уж совсем без дураков, – врал Ав Марии про свою непричастность к их коллективному колдовству? – Да он бы прыгал от радости выше той оливы и тысячу раз бы уже всем похвастался, если бы действительно был способен сотворить что-нибудь эдакое! Неужто он не дал бы Марии понять, что научился тому, чего не умеет она? Что никто другой не в состоянии не то, что сделать, а даже просто понять, о чем здесь идет речь. Представить, как такое вообще возможно! – Еще тот хвастун. Это он только с виду скромный и несчастный. Голова у него, видите ли, часто болит. Нос задирать поменьше надо, вот и болеть не будет! А когда с философом из Александрии затеял переписку, так и вовсе загордился. Землю под собой чуять перестал. Таким возвышенным сделался, что прямо не подступишься к нему! В общем, Мария правильно сделала, что поверила ему. И никакой это с ее стороны не самообман! Напрасно Михаэль искал в ее подозрительной легковерности подвох и даже обзывал ее глупой и лживой, ни в какие “само”, естественно, не веря. Он даже начал подозревать партнеров по игре в нехорошем сговоре. В том, что они хотят над ним посмеяться.

В действительности же Ав никому не врал. Ни Марии, ни Михаэлю, ни себе. Никому! Когда Мария, как всегда неожиданно, через плечо оборачивалась к мальчишкам и с лукавой улыбкой, от которой у обоих сводило дыхание (еще и поигрывая при этом голой коленкой), тихонько спрашивала – “а это правда, что НАС ТРОЕ?”, – Ав ничего не предпринимал. Даже и не собирался! Наоборот!!…

А куда тут соберешься, когда понятия не имеешь, как и что нужно делать? Он лишь пугался внезапности ее приглашения шагнуть в неизвестное, смешно при этом волновался и, закрывая ладонями глаза, начинал прислушиваться к чему-то внутри огромных, во все стороны глядящих разноцветных глаз, катящихся в его голове, боясь, что в какой-то момент, который ему почему-то никогда не удавалось поймать, окажется, что все уже свершилось. Чего он боялся? – Того, что Мария или Михаэль по легкомыслию не справятся с собой и нечаянно,

по неосторожности или по глупости, обманув его, что-нибудь все-таки на его голову и себе на беду наколдуют. В чем, конечно же, не признаются. И тогда уже будет не остановить… А что, собственно, останавливать? – То, что появилось само, и с чем ты не сумеешь справиться? Чему ты не сможешь помешать быть, даже если очень сильно этого захочешь? Он, правда, и не особенно хотел. Потому что был трусливым.

Да, Ав боялся. Другого слова не надо искать. Он испытывал самый настоящий страх и всеми оставшимися силами своего мгновенно перегоравшего рассудка пытался сказать самому себе правду о том, что он тут ни при чем. А еще сказать ее тому, что, смеясь над ним, какое-то время назад, которое он, дурак!, как всегда проморгал, само уже начало вырастать неведомо из чего. И неумолимо продолжало прорастать сквозь его с хрустом лопающиеся нервы. Сквозь его стеклянный мир. Из немыслимо далекого прошлого… Из той жуткой бездны, в которой не было еще ни времени, ни света. Не может там быть никакого света – она же бездна!

Что еще ему было трудно понять? Что не укладывалось в голове? – Что таким вот странным образом родившееся новое, которому невозможно противостоять и приказывать, не было запланировано. Как это? – А вот так: не было! Это новое из каприза секунду назад нафантазировала взбалмошная девчонка с неправильно растущим зубом… А почему, собственно, не было? Кто это сказал? Может быть все как раз и было запланировано так, чтобы это новое повстречало на своем пути зеленоглазую пигалицу и двух влюбленных в нее оболтусов, наивно полагающих, что они действительно в состоянии что-то такое втроем наколдовать? А что, если все, даже самый глупый каприз Марии был предначертан?! Из той страшной бездны, в которой живет Ничто. Которое больше, чем Все. Потому что рождает это самое Все.

На этой развилке, если Ав продолжал думать про себя, что он умный, его поджидала внятно доказывавшая ему обратное мигрень. И год назад он вычислил, что гораздо разумнее в таком деле выбирать себе в друзья лень и страх. Ну или то, что он этими словами называл. Что позволяло ему убежать от своего дурацкого ума. Почему пока и оставался жив…

Естественно, Ав никому не рассказывал о своих страхах. Даже Иосифу, а не то, чтобы Михаэлю. Еще чего! – Чтобы над ним смеялись? И так уже все принимали его за труса и слабака. Слава Богу хоть не обзывались. – Мария запретила. А он, кстати, и был слабаком. И трусом. Еще и вруном вдобавок!

– Но я же никого не обманываю… Разве что Марию немножко… Да и не обманываю я ее вовсе! Где же – обманываю? Она ведь меня ни о чем не спрашивает. Ну, про свои сны… А то бы я, конечно, рассказал ей правду… И вообще, то, что я ей иногда снюсь… А кто, собственно, Михаэлю мешает?… Это же совсем не трудно… Как будто он не того же самого хочет! И вовсе я не встаю между ними. Просто я лекарство ищу. Хочу, чтобы она не умерла. Зачем это она должна умирать? А как еще я могу искать? Я ведь ищу то, чего не знаю…

Вот так эта хитрая схема и работала. Михаэль всю дорогу сомневался, но, поскольку слишком уж любил Марию, сдавался, усыпляя свою совесть тем, что, если кто из них и делает что-то нехорошее, то точно не он.

Марии сомневаться было некогда, потому как она была занята театральной стороной и буфетом праздника. А потом она из опыта знала, что все сработает наилучшим образом, если суметь удержаться и не начать подглядывать. И не задавать лишних вопросов Аву. Проще говоря, не совать нос в то, что уже и так происходит. Само по себе.

Наконец, Ав, который тем более ничего не делал, потому что отлично понимал, что ничего сделать нельзя. А можно лишь удивляться. Это пожалуйста. Сколько угодно! Ах да, – еще можно и даже нужно бояться того, что это может случиться само.

В общем, никто вроде бы ничего не делал, а Мария все выигрывала и выигрывала свои идиотские пари. Одно невероятней другого…

Вроде как глупость несусветная получается. Какой нормальный взрослый человек поверит в эту дребедень?

Поверит или сумеет повторить? – Кстати, взрослые разные бывают. Вот Иосиф, к примеру, очень даже верил в подобное. Повторить уже ничего не мог, но верил. Еще бы ему было не верить! Это ведь он, гад, подбросил своим ученикам свою сумасшедшую идею про “само”, втайне надеясь, что его сын первым… ну даже если и не первым, но обязательно разберется в тонкой механике собирания эгрегоров и может быть когда-нибудь… в Ершалаиме… когда станет членом синедриона…

Иосиф не просто подбросил подросткам мозголомную и чрезвычайно опасную идею, а какое-то время еще и незаметно руководил процессом. Подогревая их аппетит и амбиции. Кое-что по ходу дела подправляя. Как бы невзначай подсказывая… И мечтая вместе с ними… Сам он в подобные игры уже не играл. Во-первых, не нашел себе в ссылке подходящей компании. Что, вообще-то говоря, важно. А потом возраст и здоровье на многое наложили запрет. Да и труслив он стал до невозможности. Опять же Михаэль был у него на руках. А это – тяжелый якорь. Тут уже сто раз подумаешь прежде, чем бросаться головой в омут. Ведь если разобраться, это же – настоящее безумие.

Еще и Ав был на его иждивении. Какие-то денежки на его содержание, правда, подкидывал Сир, но греческие книги, чистые папирусы, еда… И надо же было мальчишку во что-то одевать! А вообще-то (Иосиф об этом почему-то забыл), авторство технологии, в чем-то похожей на ту, которую взял себе на вооружение Ав, технологии построения нового, причем чего угодно, даже таких громоздких левиафанов, как государство или религия, принадлежало вовсе не ему, а другой и тоже незаурядной личности – в прошлом его другу, с которым они некогда были, что называется, не разлей вода, а теперь… К нему, собственно, они сейчас и ехали…

А почему это я должна стыдиться?

Собачиться с Константином Мария, если быть точными, начала еще в Кесарии, когда выяснилось, что к четверке роскошных прокураторовых скакунов казенная квадрига (“самостоятельно”, как помнится, раскатывавшая по ипподрому) не прилагается. Девчонка чуть успокоилась лишь когда принц показал ей хранившуюся здесь же коллекцию его собственных карет и для полноты комплекта презентовал ей один из самых дорогих экземпляров, снабженный мягким раскладывающимся верхом. Он не стал объяснять, почему о прогулках в открытых экипажах ей на время придется забыть. Сказал лишь, в ответ на ее возмущение, что дороги в Ершалаиме узкие и давить прохожих, рассекая по городу на широченной римской квадриге, было бы неправильно.

– И вообще, скромнее нужно быть! Живо, давай, переодевайся! Хватит тут сопли размазывать, капризная девчонка! Как мне уже надоели твои фокусы! Узнаю породу. Карета ей, видите ли, не нравится… Вертихвостка!…

По-настоящему же ругаться они начали, когда догнали Гавриила. Сперва Мария огорошила Константина требованием, чтобы “этот неотесанный медведь” уступил ей дорогу. Потом, когда этого не случилось, ей показалось, что едут они слишком быстро и “надо бы всем ехать помедленнее, а то еще загонят моих лошадей”.

– Опаздываем, вообще-то…, – был ей ответ.

– А нечего было в Кесарии рассиживаться!, – взвилась девчонка. – С тем ему захотелось поболтать. С другим, с третьим… Быстро все делать нужно. Вот как я, например. И в баню успела сходить и…

Мария вовремя спохватилась и удержалась от рассказа от том, что и с кем она еще успела, пощадив чувства Михаэля, давно с подозрением косившегося на слишком уж часто краснеющие уши Ава. Кончилось тем, что Константин от греха, боясь таки залепить обнаглевшей истеричке по шее, перебрался в золоченый Гавриилов дворец и остаток пути посвятил инструктажу Сира.

Солдаты были несколько обескуражены. Они отлично видели, как Константин пересаживается в колесницу первосвященника и при этом почему-то не распорядился перенести на нее свои штандарты. Чтобы он забыл?… В общем, смущенные всадники так и ехали до самого дома Каифы – эскортом трех безвестных магдальских пиратов. Охраняя не столько их, сколько формальные символы власти – штандарты на крыше фаэтона. Ну хоть этим немного отвлекли девчонку от ее горя. А то ревела бы уже в три ручья.

Михаэль, которому Мария, не удержавшись, похвасталась лошадьми (Иосифу, слава Богу, она ничего не сказала. Ну хоть что-то правильно сделала), великодушно пощадил своих друзей:

– Все-таки в паучье гнездо едем.

Таковы были заключительные слова текста перемирия, который он, взяв командование на себя, зачитал предателям, якшающимся с врагами и принимающим от них возмутительные подарки.

– Кто его знает, что нас там ждет… Надо бы вместе держаться. Так и быть, на первый раз прощаю, —

и принял недоумение отступников, молча выслушавших его гневное обличение, за раскаяние. Все бы хорошо, вот только рассеянность Марии… С ней творилось сегодня что-то непонятное. Кроме ребят в карете никого не осталось. Заметим, в ее карете! В ее собственной, не придуманной! Которую у нее уже никто не отнимет и в которой завтра они отравятся домой. Друзья снова оказались вместе. Это же так весело! Должно было быть… Но почему, поджав губы, она всю дорогу молчала? На что дулась? Еще и Ав не поднимал глаз…

– Ну вот что он – совсем дурак, что ли?!, —

возмущалась Мария про себя, стараясь ни на кого не смотреть, 0и было непонятно, кто именно стал причиной ее раздражения. Кто дурак-то?…

Если спокойно разобраться, говорить подросткам и впрямь было не о чем. Не рассказывать же в самом деле Михаэлю о том, что произошло с Авом и Марией за минувшие сутки! Нет, ну правда, кто виноват в том, что этот борец за народное счастье, якобы ненавидящий все римское, нафантазировал себе Бог знает что, встал в дурацкую позу и отказался ехать с ними в гарнизон? Очень зря, кстати, не поехал (Мог хотя бы в Кесарию напроситься, идиот!), потому что за этот бесконечный день случилось много такого, чему желательно либо быть свидетелем, либо в этом участвовать. Либо уже никаких вопросов не задавать…

– Вот как ему теперь рассказать? Он ведь опять все не так поймет…

Как быстро, однако, Мария научилась врать! Ну, может быть, врать – слишком грубое слово. Тем более, что чувство, похожее на раскаяние, все-таки изредка ее посещало и противно глодало. Где-то на периферии сознания несколько раз даже промелькнуло слово “грех”. Но, если подумать, правда ведь заключалась и в том, что не она оставила своего жениха погибать в пустыне, а это как раз он из-за своей дурацкой ревности отпустил ее в неизвестность. Одну! Прогнал, получается. Бросил, короче!

Ну, не совсем одну он ее отпустил, конечно, – в трудные минуты рядом с ней всегда кто-то оказывался. Ав, например… Про Гавриила и Константина она почему-то не вспомнила. Это, конечно, нехорошо. Могла бы и вспомнить. А с какой стати?! Как будто ей больше не о чем было сейчас вспоминать. – Да сегодня она впервые в жизни поцеловалась по-настоящему! Причем не один раз. И это ей ужасно понравилось. Да, она еще хочет. И что теперь? Что плохого-то? По какому поводу она должна мучиться и оправдываться? Почему? – Потому что знает, какие дополнения будут внесены в ее стыдные сны? Что в них откроется новая глава? Или что она теперь должна страдать из-за того, что счастливчиком оказался не Михаэль? Так ведь не он же помог ей сохранить лицо на том “веселом” празднике, где ее чуть не убили! Да она просто обязана была!… Ну, чтобы у Ава потом голова не болела… Из благодарности… И вообще!… Да просто потому, что он хороший… И да: – потому что он ей нравится и руки за спиной прятать не желает!… И еще потому, что это он не дал ей свалиться с квадриги, когда та вдруг “сама” понеслась… А губы она ему вовсе не подставляла! Все это – вранье и клевета. Он их сам нашел. Чего их искать-то? – Вот они.

– В общем, неизвестно еще, кто предатель!…

Казалось бы, всего день друзья провели не вместе. И, конечно, они не перестали быть собой. Во всяком случае не должны были успеть так уж сильно измениться… Михаэль вот, к примеру, остался прежним. Но странно, он не то, чтобы сделался за этот день моложе или ниже ростом, а просто нисколько за это время не вырос, при том что Ав и Мария за те же считанные часы ощутимо повзрослели. Проблема не в том, что у них появилась от Михаэля страшная тайна. Хотя кто знает? Может быть и в этом тоже. В общем, эти двое как будто перескочили через класс. А то и через два. И теперь Иосиф должен рассказывать им не то же самое, что Михаэлю. Он должен говорить с ними уже как со взрослыми и только о самом интересном. Как будто они куда-то очень далеко и надолго уезжали. И там сильно выросли. Когда Михаэль пошел хвастать про то, как здорово он научился править восьмеркой и как легко ему теперь будет освоить четверку Марии, девушка… зевнула. И не заметила, какая горькая повисла тишина. Уж лучше бы она ударила его по лицу.

– А почему бы, собственно, мне не выйти за Ава?, —

раздумывала как раз в то самое мгновение Мария, вспоминая диковинный вкус их последнего, третьего поцелуя, когда земля покачнулась, коленки задрожали и мальчишке пришлось схватить ее своими железными, ужасно сильными и одновременно такими нежными

руками. Только чтобы она не свалилась, а вовсе не потому что… А правда – почему, собственно?…

– Наверное, это и называется объятиями, про которые пишут в греческих книжках, —

предположила Мария и вспомнила, что очень сожалела в тот момент лишь о том, что шелк ее туники ну совершенно непрозрачный.

– Да ведь как крепко схватил меня, бессовестный! Не спрашивая… Прижал к себе так, что дышать стало невозможно. Интересно, а если бы Михаэль нас тогда увидел, они бы подрались?… А вот на ипподроме он почему-то сразу меня отпустил, словно ему не понравилось. Да и вообще, мы слишком быстро тогда поцеловались. Наверное, потому, что там люди кругом были. А тут долго держал. Сколько надо. Бесстыжий! Пока не запахло вокруг… Господи, чем же там у них пахло, когда он меня укусил? Как будто цветами… А может он и не кусался вовсе? … С чего я взяла? А тогда почему у меня из-под языка кровь потекла? Или это не кровь? А что тогда? Что-то горячее… Да, точно, кровь же соленая! А тут… И в животе опять все шевелилось… Нет, ну наглый какой! – Схватил, главное, как свою собственность! И не правда, что я не вырывалась! Хорошо, хоть про муравьев в этот раз не стал рассказывать. Не до того было. И не врал, что смерти не боится. А все пил и пил… Жадный какой! Ужас какой голодный был… Нет, ну какие сильные у него руки! Прямо железные. Нашел, за что схватиться… Сидеть же теперь больно! Дурак… И ничего, что он безродный сирота… Зато верный. Я, можно подумать, настоящая принцесса… Точно, вот, если он даст клятву, что умрет со мной в один день, я ему в ответ скажу, что хочу от него ребенка. Прямо так и скажу! А что?… Сил больше нет терпеть. Нельзя же только во сне!… Он уж наверняка все умеет. Начитался поди в тех греческих книжках, что дядя Иосиф в подполе прячет… Нет, про ребенка нельзя, – неудобно… А почему, собственно? Мама говорит, что я уже большая…

Вспомнив о матери, Мария, как обычно, вздохнула, по привычке испугавшись, что придется смотреть ей в глаза. Но сегодня, неожиданно для себя, она почему-то не захотела чувствовать себя виноватой. И даже пошла в атаку:

– А почему это я должна стыдиться? Подумаешь поцеловались! Сама же говорила, что пришло мое время. И ничего я не развратная! Ав меня силой заставил. Он меня обманул! За коней ему вообще ничего не полагалось. Это ведь – мои кони! Я бы и так про них узнала. Бесплатно. И как ведь крепко держал меня, дурак! Синяков наверняка везде понаставил. Да в общем и не было у нас ничего. Подумаешь…

Да разве ж дело было в поцелуях? Ав тут, если разобраться, был ни при чем. И мать, и Михаэль… Просто Мария изо всех сил пыталась уйти от чего-то другого. Она боялась признаться себе в том, что ей совсем не хочется сейчас думать о Боге или вспоминать наставления Иосифа о том, как она может распознать Мессию. И радоваться туманным намекам учителя на то, будто бы она Его однажды встретит. Что именно она Его увидит. Первая! А может и вовсе единственная.

Когда и где? В Магдале, что ли? В этой деревне? Где не то, что бани, как в Кесарии, нет, а даже и… Да ничего там нет! Только жалкие, с рождения испуганные дураки кругом, греческих стихов про любовь не читающие и мечтающие лишь о том, чтобы урожай не поела саранча. А ей хочется бешено мчаться на восхитительной прокураторовой квадриге по широкой и ровной дороге. Чтобы туника на ней была шелковая, но только совсем прозрачная. И чтобы она красиво развевалась. Чтобы все видели, какая Мария стала взрослая и какая она теперь красивая! Как прекрасно ее молодое тело и как оно жаждет любви. Чтобы все ее хотели. Дотрагивались бы до нее. Может быть не так, как ее касались сегодня нежные руки не ведающих стыда эфиопок. Знающие ужасные и такие прекрасные тайны… А почему, собственно, не так? Как раз так! Чтобы мучили ее и заставляли стонать! Чтобы то, что с ней сегодня впервые случилось не во сне, повторялось и повторялось. И чтобы она перестала, наконец, бояться смерти. И чтобы Ав…

– Вспомнила, в саду пахло фиалками! А ребенка я у него правда попрошу. И пусть думает обо мне, что угодно! Вот так прямо и скажу. Чего стесняться? Как это кому? Как будто непонятно! А что, если он не захочет? Или вдруг скажет, что у него уже кто-то есть…

Нас ведь трое?

Каифа произвел на гостей неожиданно хорошее впечатление. Во-первых, он вышел их встречать сам, каковой чести мало кто удостаивался. А во-вторых, разговаривал с приехавшими как со старыми друзьями, легко и непринужденно, забавно подшучивая не только над ними, но и над собой. Когда сели ужинать, он своими руками стал подливать в их чашки жасминовый чай! И продолжал бы это делать, если бы Мария не опомнилась и, рассмеявшись в ответ на какую-то его остроту, не усадила его на место, отведенное ей, – между Иосифом и Сиром, – по привычке взвалив на свои плечи застольные хлопоты. И сразу стало как в Магдале – тепло и весело. Даже как будто освещение изменилось. По огромному залу парадных собраний словно бы полетели тысячи искорок. И он наполнился многими одновременно звучащими голосами. Молчал лишь безликий, одетый в черное человек, которого Каифа представил как своего секретаря, и на которого даже подозрительный Иосиф перестал обращать внимание уже через минуту, словно его здесь не было. Внимание раввина занимал совсем другой предмет. Ну еще бы! – Иосиф совершенно не узнавал своего врага. Даже немного растерялся.

Каифа нашел доброе слово для каждого и умудрился разговорить даже градоначальника, сердце которого за полчаса до того готово было выпрыгнуть из горла, а язык, сделавшийся шершавым как пемза, присох к небу! Выяснилось, что Каифа пригласил его в Ершалаим для того, чтобы познакомить со знаменитым архитектором из Рима, и что их встреча состоится через час. С этим градостроителем они отправятся в Магдалу посмотреть на месте, что можно придумать, чтобы забытая Богом деревня превратилась в элегантный город, в котором не стыдно было бы принять даже римского консула. Что значит “пригласил” и при чем здесь римский консул, а главное, кто и на какие деньги будет осуществлять превращение занюханной дыры в радостную сказку, градоначальник не понял, но был чрезвычайно польщен и, когда за ним вскорости действительно явились, отправился навстречу лучезарному завтра абсолютно счастливым.

Иосиф, когда немного освоился, понятное дело, заважничал и некоторое время просидел за столом надутым букой, угрюмо и неостроумно огрызаясь на безобидные подкалывания хозяина, со смехом вспоминавшего, как они ловили рыбу, а им никто не сказал, что рыбу на голый крючок ловят только идиоты. А еще, как тайком от родителей они делали вино, которое у них всегда скисало, но они его все равно пили. Кривились, но пили!

Общий хохот вызвала новость, что Иосиф, оказывается, пользовался ошеломительным успехом у замужних женщин, потому что, во-первых, был на голову выше Каифы и шевелюру имел не то, что сейчас, а во-вторых, выражение лица умел сделать до такой степени несчастным и романтическим, что устоять перед ним было практически невозможно. Главное же, он мог уболтать любую дуру, наврав ей с три короба про достоинства, которых у нее отродясь не бывало, но которые она, утонув в его честных глазах, неожиданным образом в себе обнаруживала и начинала всерьез верить в то, что этот шалопай бескорыстно влюбился в ее бессмертную душу. Нежную и прекрасную, как у ангела. Он же, Каифа, на этом фронте вечно оставался с носом и, естественно, Иосифу страшно завидовал, потому что так красиво врать до сих пор не научился. Да, конечно, с ростом ему катастрофически не повезло…

Сиру, дружелюбно хлопнув его по плечу, он шепнул, что их разговор впереди, и выразил уверенность, что разговор этот будет для него приятным, поскольку касаться будет исключительно его бизнеса, который давно уже пора расширять (Чего замыкаться на Магдале? Как будто нигде в Израиле больше не пьют…). Еще он сказал, что по случаю отведал его вина, остался в восторге и сожалеет, что в Ершалаиме такого не достать. И что он вообще давно хотел с ним познакомиться, потому как наслышан о его щедрых пожертвованиях на синагогу и о том, что вместе с дочерью они сделали невозможное – открыли в Магдале школу для девочек.

Давно пора! В Ершалаиме такое, к сожалению, немыслимо. Слишком многие здесь считают, что, если девочки научатся читать, то скоро и в храмах начнут учить. А по его мнению, так лучше бы уже и начали, потому как невмоготу стало слушать весь тот бред, что несут на собраниях синедриона фарисеи. И что он вообще устал от интриг, политики, книжников и прочих идиотов. От того, что совершенно не с кем стало поговорить. По-человечески, запросто, по душам. Так что даже начал подумывать – не пора ли ему уйти на покой. Кого вот только вместо себя оставить волкам? Порвут ведь агнца…

Марию Каифа купил тем, что у самого дочь, так это же настоящее мучение. Пока молчит, вроде полной дурой не кажется, но тору совсем не знает и кроме как о мальчиках из богатых семей, сплетнях и золотых подвесках ни о чем говорить не может. На такое прекрасное безумство, к примеру, как собрать вокруг себя настоящий бандитский отряд или прохватить по кессарийскому ипподрому на боевой римской квадриге, чуть не передавив сотню вооруженных эллинов, от которых всего можно ожидать (и откуда только успел узнать?), у этой балды ни ума, ни храбрости не хватит. В общем, что делать с дочерью, он не знает и был бы весьма признателен, если бы Мария согласилась с ней поговорить, поучила бы ее уму разуму. Уж вечер поздний, а где шляется, неизвестно. И братец ее. Ведь загодя обоих предупредил, что будут гости. Просил ведь! Ну никакого почтения! Отец для них – пустое место. На него и наплевать можно. Странно, но, когда Каифа заговорил о детях, его даже стало жалко. Особенно, когда его сын таки явился и все увидели, что он пьян. Старику было стыдно…

Увидев, в каком состоянии находится наследник, Мария мгновенно сообразила, как выйти из положения: кивнула отцу, оба, извинившись, вышли и вскоре вернулись с кувшином вина, который предусмотрительный Сир прихватил из Магдалы.

– Раз уж ты хвалил мое вино, —

с улыбкой обратился он к Каифе.

– Так что ж мы тут чай пьем?, —

всполошился Каифа, догадавшийся, кто именно нашел спасительное решение. Он даже прослезился. А Мария уже звенела бокалами, и скоро зал снова наполнился смехом. Атмосфера разрядилась. Растаявший первосвященник быстро захмелел и называл свою гостью “дочкой”. Это было неслыханно!

– Ну дает, старый лис!, —

восхищался им Константин. —

– Актерскому мастерству вовсе не в греческом театре учиться надо. —

Таким Каифу он еще не видел. —

– Значит действительно многое на девчонку ставит. А ведь, похоже, не играет старик, – вдруг подумалось ему. – Уж больно натурально слезу из себя выжимает, – и даже забеспокоился за него. – О чем он только думает! Вино-то зачем так хлестать! Ему ж утром к Ироду ехать…

Однако, на всякий случай решил не расслабляться, поскольку не первый год был знаком с первосвященником и разные его спектакли видел.

– А вот интересно, Ава он в самом деле не видит или придуривается?…

Михаэль, оказавшись в доме первосвященника, неожиданно оробел. То ли его подкосила холодность Марии, которая вела себя сегодня просто ужасно, так, словно его рядом не было. То ли на него и в самом деле подействовала магия этого непростого дома. Его невероятные размеры и понимание того, что в Иудее нет человека, который не слышал бы о его хозяине.

– А кто знает моего отца?, – спросил он себя. – Или меня… А ведь отца должны помнить! Он был здесь не последним человеком. Судя по его рассказам… В том-то и дело, что по его рассказам! А кто помнит его на самом деле? Без этих его дурацких фантазий. После двух кувшинов красного вина…

Михаэль много разного слышал про хозяина этого дома. Пару лет назад был даже короткий период, когда Иосиф вспоминал своего бывшего друга без ненависти. Очень короткий, правда, период…

Когда в зал ввалился подвыпивший сын Каифы и, буркнув что-то нечленораздельное, мало походившее на приветствие, плюхнулся в кресло своего отца, – в кресло первосвященника иудейского!, – Михаэль почувствовал себя униженным. Бедным просителем! Он вдруг ясно увидел пропасть, разделяющую их, и ощутил себя сбежавшим из клетки немытым, воняющим нищетой диким зверем, надевшим на себя маску человека, которого, конечно же, скоро разоблачат, изловят и с позором вернут обратно – за решетку, где его ожидают родимое корыто и прошлогодняя солома, на которой грязным животным полагается спать. Не спать – жить!!

– И ведь этого сопляка знает уже весь Ершалаим, – кипело в нем выпитое вино, – а я здесь – никто, дерьмо собачье. Пустое место, как в шутку обозвал себя его отец. Так вот, это было сказано про меня! Через пару дней мы возвратимся домой, в свое родное стойло, а этот холеный прыщ через несколько лет станет первосвященником, которого начнут звать к себе в гости цари. Даже римский император станет оказывать ему знаки внимания! Поди, подарит ему еще одну шикарную карету, чтобы все вокруг сдохли от зависти.

Михаэлю захотелось исчезнуть. Не выйти подышать воздухом, потому как никакого воздуха в этом городе для него нет и быть не может, а убежать отсюда куда подальше. И немедленно! Чтобы никого не видеть и чтобы его никто не видел. Не смотрел бы на него так, как поглядывал на него сквозь дорогой хрустальный бокал этот одетый в парчу и золото безмозглый ублюдок.

– И ведь это ничтожество все будут уважать! Кланяться ему будут, говорить, какой он умный и распрекрасный! Что весь Израиль с надеждой смотрит на него. А я?!… Назавтра этот гад даже не вспомнит, что видел меня. Да что б ты сдох, червяк! Раздавить бы тебя!…

И кулаки его сжались. В висках горячо застучало и Михаэль испугался, что из его глаз сейчас брызнет кровь. И еще он испугался того, что только что про себя узнал. Что, оказывается, он готов убить человека по-настоящему. Что действительно может это сделать! И неважно, что этого холеного идиота он видит впервые. Он не просто может, он хочет его убить! Михаэль даже взмок, испугавшись своего желания всадить в горло человеку, не сказавшего ему пока что ни слова, хрустальный бокал! Того, что он еле сдерживается, чтобы не прыгнуть через стол, вырвав в полете из его вялой руки бокал, и одним движением…

Неизвестно, что бы в итоге произошло, если бы Михаэль не увидел стоявшего за спиной сына Каифы невысокого, но, судя по безжалостным глазам, достаточно надежного телохранителя – мальчишки-китайчонка, который тенью просочился в зал вместе со своим хозяином и спрятался за колонной, завидев среди гостей Константина, – похоже, единственного на свете человека, которого боялся.

– А что думаешь ты, Михаэль?, —

раздался вдруг посреди отвратительно зазвеневшего марева теплый и на удивление трезвый голос Каифы. —

– Ты тоже считаешь, что самоубийство этого сумасшедшего может сделать счастливой толпу идиотов, которые даже имени его не запомнят?

– Какого еще сумасшедшего?, —

вздрогнул от неожиданности запыхавшийся Михаэль, совершенно не соображая, о чем с ним говорит первосвященник. Торможение было чересчур резким. Он вновь увидел себя в большом зале приемов в доме Каифы. Все вокруг улыбались и были приятно расслаблены. А в его бокале плескалось вино, которое Мария себе, Аву и Михаэлю разбавляла водой. Сама она была уже немного пьяненькая. Во всяком случае глаза ее масляно сверкали, как два дня назад, на его дне рожденья, когда все пираты и даже новообращенный, принятый наконец-то в банду Ав выпили за сараем неразбавленного вина. И при этом никого не вырвало. Наоборот, всем

стало безумно весело. И Мария разрешила тем, кто захочет, поцеловать ее руку. Все вдруг притихли. Целовали по очереди. Михаэль сжульничал и, притворившись пьяным, встал во второй раз. А потом попытался поцеловать Марию еще и в щеку. Кстати, она не была против. Это он, дурак, оказался не готовым к такому повороту и растерялся. Глупо получилось. Мог быть и посмелее…

– Да их множество сейчас развелось, – продолжал тем временем о чем-то говорить Каифа. – Что ни месяц, являются перстень прокуратора примерить. Время, что ли, для этого подходящее? А и правда, дождей давно не было… Ну вроде того безумца, на которого вас завтра мой сын сводит посмотреть.

– Дядя Иосиф говорит, что только любовь…, – влезла в разговор Мария, начало которого Михаэль пропустил.

– Ну слава Богу!, – обернулся к ней Каифа. – Твой учитель, дочка, наконец-то, оттаял. И десяти лет не прошло. Очухался! Видишь, как полезно бывает из столицы уехать. Пить бы еще бросил…

– А разве он не всегда так думал?, – удивилась Мария.

Михаэль все еще не понимал, о чем здесь говорят, и лишь глупо хлопал глазами, радуясь тому, что его по счастью вытащили из ада, в который он только что готов был ступить. Дышать стало легче.

– Ну давай, расскажи еще, каким злодеем я был, пока тут с вами, агнцами, грызся, – услышал он голос отца, который успел уже изрядно наклюкаться. – И какой ты у нас всегда был хороший. Все со своей любовью к нам приставал, когда мы, недостойные, только кнут да шекели уважали… Про любовь он заговорил!… Давно ли вспомнил, как это слово звучит? И что оно вообще значит! Опять решил нас…

– А я и не забывал никогда, – спокойно, не повышая голоса, заткнул забивший было фонтан Каифа. – Это ты, похоже, запамятовал, как уговаривал меня отречься…

Тут в зал вошел слуга, чтобы увести градоначальника. Попрощались с ним поклонами, не прерывая разговора.

– Ты еще объяснял тогда, что иначе не сможешь протащить меня в синедрион, – продолжал первосвященник. – Что здесь такое не приветствуется. Говорил, что к власти нам с тобой нужно придти любой ценой, чтобы осуществить мечту. А, если и придется заплатить мелким предательством за что-нибудь важное, так победа все загладит. Того только ты не учел, что за маленьким враньем всегда приходит большое. И благая цель как-то вдруг теряется из виду. Вернее, это мы ее незаметно подменяем. Незаметно для самих себя. Ну так и скажи мне теперь, кто из нас тогда предал мечту?

– Я что-то не понял, —

растерялся Михаэль. Он чувствовал себя лучше, но все еще не был способен понимать суть разговора, ухватывая из него лишь отдельные фрагменты. —

– Кто кого из вас привел в синедрион?

– Твой отец – меня, конечно. Кто ж еще! А ты что, не знал? К нему ведь благоволили все семь главных старейшин. Точнее их верные жены. Ох и страшные же были ведьмы! Образец целомудрия… На них и взглянуть было тошно, не то, чтобы до них дотронуться. Но твой отец никогда не боялся трудностей… Как он любил повторять: – “Даже в крокодиле можно найти что-то человеческое и прекрасное.” – Впрочем, о чем это я?… Ах да, так вот… О том, кто кого и куда привел… Мне сюда путь был заказан. Я же из простых. Слава Богу – хоть не раб. Мой отец, если ты не в курсе, плел на базаре корзины. Так что я сюда и не собирался. Даже мечтать не смел. Куда мне! Как вдруг узнаю, что твоего отца избирают членом синедриона! Можешь себе представить? Единогласно! За год до того мы с ним хлеб на рынке воровали, чтобы с голоду не подохнуть, а тут такое! Ну вот. Через год он и меня протащил. До сих пор не понимаю, как это ему удалось. Сначала писарем…

– Ужас, как интересно, а какая у вас была мечта?, —

не выдержала Мария. Она честно с собой боролась, но все же не справилась. Девичье любопытство, куда ж его спрячешь… Каифа улыбнулся и отхлебнул вина.

– Мы с твоим учителем, дочка, собирались новую религию создать. Все спорили, как это можно устроить, так, чтобы чужими руками…

– Ну ты лишнего-то при детях не болтай, —

буркнул неожиданно присмиревший и даже вроде как немного потеплевший к хозяину дома Иосиф.

– Не такие уж они и дети. Мы с тобой не намного старше тогда были.

– Что значит – новую религию?, – изумился Михаэль. – Зачем? У нас и так уже есть… Хорошая…

– Лучшая! Но, видишь ли, наша религия не запрещает ждать Мессию. Нам не запрещает. Да и не нам тоже…

– Не просто не запрещает, —

обрадовалась Мария тому, что никто не затыкает ей рот, и добавила:

– Пророки так прямо и говорили, что он для всех придет. Скоро уже…

Сир двинул ногой дочь по колену, и Мария, надувшись, умолкла.

– Да пусть себе говорит, – остановил его Каифа, – Ведь все правда. Только что из этого следует?

– Как что?!

Мария была настроена на боевой лад. Ей ужасно нравилось спорить со взрослыми. А, если не спорить, так хотя бы показывать, что она здесь не просто так сидит, а тоже может сказать что-нибудь умное. Она уже раскрыла было рот…

– Да помолчи уже!, – не выдержал Михаэль, видя, что говорить собрался Каифа.

– А следует из этого то, что тот, кто придет, скажет новое слово.

Каифа сделал Михаэлю знак оставить девочку в покое.

– Собственно, только затем, чтобы его сказать, Он и придет. И мы с твоим отцом пытались угадать, что это будет за слово.

– И то, что это слово станет новой религией, мы, конечно же, понимали, —

вставил свою реплику вдруг протрезвевший Иосиф. —

– Опередить Его хотели.

– Приготовить Ему путь, – поправил Иосифа Каифа.

– Любовь?, – задохнулась от восторга Мария.

– Ну разумеется!, —

подтвердил Каифа и погладил ее по голове.

– А кто первым из вас угадал?, – поинтересовался Михаэль. – Мой отец?

– Ну… не совсем… Я не помню, – смутился Каифа.

– Давай, расскажи им еще про меч, —

опять завелся непонятно на кого обидевшийся Иосиф. —

– Как я мечтал утопить Израиль в крови. Да если бы я говорил тогда по-другому, меня вообще никто не услышал бы! И ты, между прочим, плел бы сейчас корзины на базаре, а не командовал шайкой этих уродов и мздоимцев. И жил бы сегодня не в прекрасном дворце, сытый и благостный. А твой сын мыл бы сейчас заплеванные полы в притоне где-нибудь в нижнем городе, где его в конце концов и зарезали бы.

Про сына он напрасно ввернул. И ведь даже не понял этого, безмозглый пьяница… Ну, сказал глупость, – извинись. Поймут и простят. Спишут на нервы. Кому ж сейчас охота ссориться? Так нет! Еще и рожу обиженную скроил! Воистину, Марии “повезло”: по части непризнавания за собой ошибок у нее был первоклассный учитель. В общем, избегавшему в этот вечер острых углов Каифе самому пришлось возвращать разговор в цивилизованное

русло, переведя его на проблемы образования. Действительно ли его интересовало, как в Магдале преподается тора, или ему просто захотелось, чтобы Иосиф заткнулся, предоставив его ученикам возможность расхваливать его “волшебную” методу, о которой по Ершалаиму ползали самые разные слухи? Например, поговаривали, что старик окончательно сбрендил. Более того – ударился в ересь. Разговор, однако, вышел интересным. Единственно, Каифу насторожил несколько парадоксальный способ извлечения мистического знания из священных книг, о котором с радостью доложила ему дорвавшаяся до возможности безнаказанно поговорить Мария, не понимая, что она выбалтывает сейчас, возможно, то, что является секретом. Причем секретом – небезопасным не только для своего учителя, но и для всех его учеников. То есть и для нее самой тоже. Она так увлеклась, что совершенно не обратила внимание на то, как напрягся Иосиф. Не увидела она и того, что Ав закрыл уши руками, а Михаэль давно уже делает ей страшные глаза и, не особо таясь Каифы, показывает кулак.

– Ты что же, действительно полагаешь, дочка, – осторожно начал первосвященник, – что тора скорее научит тебя видеть Бога, если ты перестанешь ее читать?

– А можно подумать, что Ему будет легко до меня достучаться, если я заткну уши и закроюсь от Него книжками с рассказами о Нем, которые я и так уже давно наизусть выучила?

Мария, похоже, не соображала, что за подобные методические вольности ее учителя могут не просто взашей погнать из Магдалы. Хотя, куда уж гнать дальше той дыры, в которой он теперь живет?…

– Нет, правда, достаточно с меня чтения! Пусть теперь Бог читает меня, если не обманывает, что любит меня! Как Он все время мне говорит…, —

добавила она, не замечая, как среагировал Каифа на ее последние слова. А он аж побелел.

– Я ведь теперь уже почти совсем прозрачная стала и ни от кого больше не прячусь.

– И от Сатаны тоже?, —

вставил Каифа, но не был услышан увлекшейся Марией, а иначе бы она ему ответила, что никакого Сатаны нет, и что эту глупость придумали одни дураки для того, чтобы пугать и делать послушными других.

– Так вот, мои глаза и уши для Него открыты, – продолжала девочка. – Так что пусть говорит мне, что хочет.

Сказала, простая душа, и радостно засмеялась. В полном одиночестве, впрочем, потому как никого своими словами не рассмешила.

С этого, собственно, все и началось. Сын Каифы, до сих пор сидевший молча и в раздражении наливавшийся неразбавленным вином, а также злобой от того, что отец приказал ему забыть сегодня про своих друзей и угробить вечер на общение с какими-то непонятно во что одетыми провинциалами, наконец, раскрыл рот. И полилось…

– А и правда, – начал он вроде бы спокойно, ни к кому не обращаясь, – зачем читать то, чего все равно не понимаешь?

– Я… понимаю…, —

растерянно пролепетала девочка и отвернулась, чтобы никто не заметил, как из ее глаз брызнули слезы. Каифа, однако, слепым не был.

– Поаккуратнее, сынок, —

проговорил он незнакомым голосом, однако, сколько-нибудь решительных мер, способных погасить агрессию наследника, не предпринял. Должно быть хотел посмотреть, как Мария станет выкручиваться сама.

– Я в торе все понимаю, —

предательски шмыгая носом, повторила девочка. Вид у нее был жалкий. Ища поддержку, она оглянулась на Михаэля.

– Нас ведь трое? —

робко и как-то даже виновато прозвучал ее минуту назад так весело щебетавший голосок.

– Откуда ж мне знать, сколько нас осталось?, —

капризно надул губы Михаэль и потянулся за бараньей ногой, намереваясь взять реванш за все унижения сегодняшнего вечера. Он не собирался вот так просто забывать обиду обласканной и осыпанной вражескими подарками предательнице. Этой надменной владелице возмутительно шикарного экипажа с баснословно дорогими лошадьми! Такими чудесными, что просто ужас! Да в Магдале все умрут от зависти, когда он, водрузив над каретой пиратский флаг, станет катать в ней по улицам города их банду! Простить эту взбалмошную кокетку только потому, что она вдруг о нем вспомнила? Можно сказать, милостиво до него снизошла. Когда приперло!… —

– Об этом надо бы у тебя самой спросить, —

дал он ей все-таки шанс и, блаженно закатив глаза, с хрустом погрузил зубы в сочное мясо. Мария вытерла локтем нос, забыв, что на нее смотрят, и перевела мокрые, полные мольбы глаза на Ава.

– А этот дурак почему на меня не глядит? Зачем набросился на хурму? Он ее в жизни не ел… Он же весь пятнами сейчас пойдет!, – кричало в ней отчаяние. – Что же это вы струсили?, —

заговорила, наконец, всхлипывая, девочка и даже Иосиф понял, что сейчас ее слезами умоются все.

– Тоже мне пираты… Предали меня… Дураки глупые…

Каифа, по-прежнему не вмешиваясь, холодно наблюдал за развитием ситуации, попутно вычисляя третьего, недостающего члена бандитской коалиции, способной принять бой.

– А может это тайный код? Третий-то кто? Ну, не этот же пьяница! Хотя…, —

ломал он себе голову, внимательно наблюдая и за Иосифом тоже.

– Да трое нас, трое! Вот они мы – все у твоих ног! Только не реви, – не выдержал Михаэль. – Куда ж мы без тебя денемся…, —

и ткнул Ава локтем:

– Ты как?

Ав затравленно кивнул, продолжая сосредоточенно жевать. Видно было, что ему категорически не нравились воинственные приготовления Принцессы, но деваться и правда было некуда. Он словно предчувствовал, что сейчас случится что-то нехорошее. А ведь Мария пока что и сама не решила, как расправится со своим обидчиком. Знала лишь, что веселье состоится, вот прямо сейчас, и что этот самоуверенный хам сильно пожалеет о том, что с ней связался.

– А ты, собственно, кто?, —

негромко спросила она его, подслеповато щурясь. И сказано это было таким тоном, что, если бы в ответ сын Каифы вскочил и врезал ей по физиономии, никто особенно не удивился бы. И не осудил бы его. Даже странно, что он этого не сделал. Воспитание, надо полагать, остановило.

– Я – будущий первосвященник Израиля!, —

грозно заявил он. Получилось, правда, не так грозно, как ему хотелось. И немного ненатурально. Иосиф сказал бы лучше. С гораздо большим достоинством. Раввин еще обязательно надел бы на лицо выражение вежливого презрения и скуки. Вот именно, – скуки! И постарался бы говорить спокойным, тихим голосом.

Мария бросила быстрый взгляд на Ава, убедилась, что этот жалкий трус, с которым она еще потом поговорит!, уже начал тереть свои виски, и, улыбнувшись так, что стала видна дырка от выпавшего на прошлой неделе последнего молочного зуба (верхнего, справа), пошла в атаку:

– Ух ты!… Неужели это наш будущий первосвященник?

Слезы высохли и глаза девчонки зажглись нехорошим огнем.

– Так вот, кто у нас собрался народ Израиля учить!

– Именно!

– Ну и чему ж ты собрался нас учить?

– Закону Моисея.

– А-а…, – разочарованно протянула Мария. – А я-то подумала, сам чего придумал. Что-нибудь новенькое. Чего мы не знаем.

– Зачем мне что-то придумывать?, —

проглотил крючок молодой повеса, которому недавно исполнилось пятнадцать и который по идее мог бы играть половчее. —

– В торе и так все написано…

– То есть ты хочешь сказать, что уже и тору читал? Смотри, какой ты у нас умный получаешься. А что, и правда читал? Тебе не рано?

– Да я тебе!…

– Что ты мне?, —

с нежной улыбкой змеи, кольцами обвивающей тушканчика, подсекла его Мария. —

– Что ты вино пить научился – это мы уже поняли. Молодец. Так ведь это дело нехитрое. Я тоже умею. А из того, что прочел, ты что-нибудь помнишь?

– Уж как-нибудь побольше твоего!

– Да ну! А докажи.

– Что?!

– Нет, правда. А вдруг ты и в самом деле умный. Представляешь, как мне тогда стыдно будет. Извиняться придется… Давай. Чего испугался? Это – честная игра. Ты говоришь слова, какие знаешь, а я продолжаю.

– Вот еще! Стану я с деревенской…

– Да, боюсь, теперь придется, —

вставил, наконец, свое слово Каифа. Он понял, что молчать больше нельзя. Это было бы ошибкой. Такой игрой он уже просто обязан руководить. Ну или хотя бы взять на себя роль арбитра. —

– Ты ведь только что объявил себя будущим первосвященником, – произнес он чуть ли не с угрозой. – А почему бы вам тогда и в самом деле не посостязаться? И в честном поединке выяснить, кто чего стоит. Будущий первосвященник обязан уметь держать удар.

– Вот, – обрадовалась Мария, – теперь у нас и судья имеется.

– Тогда я уж не с ней буду.

– А с кем?, – прищурился Каифа.

– Ну хотя бы с ним, – показал его сын на Михаэля.

– Не советую, —

скорчила испуганную физиономию Мария. Ее понесло. Она уже ни на что не обижалась. Теперь ее все только забавляло. Потому что игра началась. А, правильнее было бы сказать, закончилась.

– Что ты сказала?

– Что слышал. Ты против него – щенок сопливый. Он тебя в пыль разотрет. Опозорит так, что ты из дома не высунешься, потому что тору он наизусть знает. Уже и в нашей синагоге ее читает, когда дядя Иосиф болеет. Без всяких свитков! Так что давай лучше со мной сразись. Шансов у тебя, конечно, все равно никаких, но хоть побарахтаешься. Или боишься, что все в Ершалаиме узнают, как тебя деревенская девчонка побила?

Константин обратил внимание на то, как странно Ав трет свои виски. Он сразу все понял и тронул Каифу за плечо.

– Что-то я устал. Пойду-ка домой. Передавай Ироду от меня и Августа привет и пожелания здравствовать.

Поднялся и обошел стол, попрощавшись с каждым касанием к плечу, как с давними друзьями. Проходя мимо сына Каифы, он вдруг споткнулся, якобы запутавшись в складках тоги, и, наклонившись к нему, не раскрывая рта, тихо проговорил:

– Сматывайся, дуралей! Ты даже не представляешь, во что втравился и чем сейчас рискуешь.

Прощаясь с Марией и Михаэлем, он посмотрел обоим в глаза и без особой надежды кого-либо переубедить, спросил:

– Может хватит уже игр на сегодня?

Говоря это, он ловко подхватил обмякшего Ава, вытащил его из-за стола и, более не оборачиваясь, вышел с ним из зала.

– Что, сильно тошнит?, – спросил он мальчишку, когда они оказались на улице.

– Да ужас!

– На-ка, хлебни, – протянул он Аву склянку, с которой, похоже, никогда не расставался.

– Вот теперь меня точно вырвет, – прошептал мальчишка, возвращая Константину флакон. – Сейчас слепнуть начну.

– Не начнешь. Теперь все с тобой будет в порядке.

Если мое пророчество не сбудется, можешь побить меня камнями!

– Ну, милый мой, да ты уже в первом предложении столько ошибок умудрился наделать, что его узнать невозможно!, – возмутился Михаэль.

– Ничего, я поняла, – успокоила его Мария. – Это он из Второзакония пытается нам читать. Узнать действительно трудно, но я знаю, *зачем* он взялся оттуда читать, – и, повернувшись к сыну Каифы, спокойно глядя ему прямо в глаза, сказала: – ты хочешь дать понять, как с нами поступишь, когда станешь первосвященником. Не правда ли? Ну так слушай, как это звучит на самом деле: “Если восстанет среди тебя пророк, или сновидец, и представит тебе знамение или чудо, и сбудется то знамение или чудо, о котором он говорил тебе, и скажет притом: «Пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им», – то не слушай слов пророка сего, или сновидца сего; ибо через сие искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего от всего сердца вашего и от всей души вашей; Господу, Богу вашему, последуйте и Его бойтесь, заповеди Его соблюдайте и гласа Его слушайте, и Ему служите, и к Нему прилепляйтесь; а пророка того или сновидца того должно предать смерти за то, что он уговаривал вас отступить от Господа, Бога вашего…”

– Достаточно, дочка!, – остановил ее потрясенный Каифа. – Ты убедила нас в том, что тору знаешь. В отличии от моего оболтуса…, – и обернулся к Иосифу. – А ты, похоже, и в самом деле неплохой учитель. Скажи, а моего сына мог бы так же натаскать?

– Поздно. А потом, главное в учении – это же не слова из свитка зубрить…

– Это я понимаю.

– Не уверен.

– Что значит “не уверен”?!…, – вскинулся Каифа.

– Да ты не обижайся. Я ведь тоже не все понимаю.

– Чего ты не понимаешь?

– Того, например, каким образом Мессия умудрится остаться в живых, когда произнесет то самое слово. Которое нам с тобой известно…

– О чем ты говоришь? Оно же не будет обращено против Бога! И не будет призывать…

– Да ты глухой, что ли?! Не слышал, что сейчас Мария сказала?

– Так ведь умный человек отличит…, – начал Каифа.

– Мне совершенно наплевать, – оборвал его Иосиф, – кто начнет убивать Мессию, умный человек или дурак! Я не хочу, чтобы его убивали!

– Ты не веришь во власть первосвященника?… В мою власть над этими…

– При чем здесь?… Я, конечно, верю в твою мудрость… И в твою власть над синедрионом. Более того, я почти уверен, что не ты захочешь убивать Мессию… если он вдруг явится при нашей жизни. Но что, если первосвященник, чье имя запомнится в веках только тем, что при нем в наш мир приходил Мессия, окажется не столь добрым, как ты?

– Но позвольте, о Мессии в священных книгах нет ни единого упоминания, —

влез в разговор сын Каифы, стремясь как-то реабилитироваться после сокрушительного фиаско. Чем вот только? Важностью, которую на себя напустил? —

– С какой стати мы должны его ждать? Про лжепророков мы уже слышали.

– Вот видишь, – криво улыбнулся Иосиф загрустившему Каифе, – а ты говоришь…

– Ты Исаию читать не пробовал?, —

жуя мясо и даже не оборачиваясь к сыну Каифы, что было, мягко говоря, невежливо, сквозь зубы процедил Михаэль. —

– Был у нас такой пророк. Из великих, между прочим…

– Хочешь, я тебе из него почитаю? Что помню…, —

тут же предложила помощь своей жертве Мария. —

– А то ведь ты сам не найдешь. Или пропустишь главное. Там же нигде большими буквами не написано, что он говорит о Мессии. И картинок, как в греческих книжках, нет. Вот, слушай: – "Это все будет, когда родится Ребенок, Богом данный нам Сын, который станет поводырем, и назовут Его: Чудотворный Советник, Бог Всемогущий, Вечный Отец и Князь мира…"; или вот еще – в другом месте: "Дух Господа будет в этом Ребенке, дух мудрости, разума, могущества и дар вести за собой…"; или вот смотри, как красиво Исаия сказал. Это он как бы из будущего написал. Он же – пророк. Вперед, значит, все видел… "Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем и мы ни во что ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились…".

Мария покраснела и даже немного задохнулась от волнения.

– Как здорово Исаия сказал! Правда ведь?

– Да заткнись ты уже, дрянь! Деревенщина! Ненавижу! Когда стану первосвященником, тебя первую велю забить камнями!

Все случилось быстро. Никто не мог ожидать такого продолжения турнира. Кстати, подобные словесные ристалища часто устраивалось в Ершалаиме. Чуть ли не в каждом доме. Обычное дело. Вроде бы и сейчас собирались из Писания читать. Всего лишь…

Михаэль перелетел через стол и сокрушительным ударом в челюсть отправил сына Каифы в нокдаун. Каифа не шелохнулся, только смертельно побледнел. Иосиф попытался встать, но завалился на спину. – Пить надо меньше! Сир начал его поднимать, а Мария кинулась разнимать дерущихся. И тут… Дальше все происходило как во сне…

Китайчонок нарисовался из ниоткуда и словно включил тишину. Все вдруг замерло и почему-то стало слышно, как по залу летает муха. Она летала не над столом, а где-то у дальней стены. Ее не было видно. Зато было отлично слышно. И еще громко потрескивало масло в светильниках. Ну невозможно громко! Странно, что раньше на этот бьющий по нервам звук никто не обращал внимания.

Нет, еще не все. Еще было слышно, как секретарь Каифы пьет вино. Мелкими, но почему-то ужасно громкими глотками. Не может же быть такого, чтобы он вдруг начал глотать вино громче, чем делал это до сих пор И вообще, почему все застыли словно букашки в янтаре, а этот безликий нагло продолжал пить вино? Ему что, все равно? – А впрочем, какая разница? Может, его уже ничто в этой жизни не удивляет. Может, он насмотрелся в доме первосвященника и не такого!… А может, он слепой? Или глухой? – Нет, это вряд ли. Видел и слышал этот бездушный субъект все даже лучше многих, иначе не служил бы секретарем у Каифы… А чего это мы о нем? Кто он такой, в самом деле?… – Да никто! Плевать на него. Просто под горячую руку попал. Случилось нечто такое, когда начинаешь вдруг слышать, как растет трава и думает кузнечик. А тут кто-то вино преспокойно себе пьет!…

Каифа стал медленно вставать с поднятой над головой рукой, призывающей всех хранить молчание и неподвижность. Осторожно, словно боясь наступить на хвост кошке, которой здесь точно не было, он поплыл в сторону упавшего кресла, на котором только что гордо восседал его сын. Вот он добрался до замершей в неудобной позе Марии. Нащупал руку китайчонка, прижавшего к ее горлу короткое и острое как бритва лезвие. Медленно отвел эту руку. Не отпуская ее, своей правой рукой он ухватил щуплого телохранителя за шиворот и потащил его вон из зала. Дверь за ними закрылась. Не было произнесено ни слова. Сон закончился. Как-

то сразу оборвался. И муха пропала. Может на что-нибудь села. Михаэль слез с поверженного врага, отряхнулся и спокойно вернулся на свое место. Глядя остекленевшими глазами сквозь хрустальное блюдо с виноградом, он машинально принялся за недоглоданную баранью ногу.

Мария нагнулась к лежавшему на полу врагу и, безуспешно пытаясь побороть икоту, напавшую на нее от испуга, постаралась заговорить страшно и таинственно:

– Слушай меня ты, дурак! Ты никогда не станешь первосвященником. Потому что Бог вложит сейчас твоему отцу в уста слова, которые сбудутся. А исполнит его… —

Тут Мария запнулась и сделала вид, будто она к чему-то прислушивается. К тому, что, разумеется, не из этого мира. Она даже красиво закатила глаза, как всегда делала, когда на нее во время урока глядел Иосиф и когда она хотела, чтобы он думал, будто она молится, а вовсе не мечтает о том, о чем в ее возрасте мечтают все нормальные девочки. На самом деле она просто еще не придумала, что бы такое сказать сыну Каифы, чтобы пообиднее было. Ага, вот:

– А исполнит Его волю одна девчонка. Вот именно, девчонка!, —

и опять важно наморщила лоб, сочиняя концовку. Хотелось, чтобы было эффектно. Мария перебирала в памяти лица магдальских девочек, которых знала и которые были ей чем-либо несимпатичны. Но вдруг сообразила, что тех, кого знает она, этот дурак знать не может. Так что выбирать ей придется из тех, кто знаком ему. Но в доме Каифы она еще ни одной не видела…

– Может быть его сестра?, – мелькнула мысль. – Но ведь я ее не знаю! А вдруг она не такая уж плохая и глупая, как о ней говорил Каифа? Вдруг она красивая?

И тут перед ее глазами проплыло лицо китайчонка, чуть не зарезавшего ее минуту назад. Назвать его раскосое лицо некрасивым она не могла, к тому же оно не было женским, но выражение жестокой решимости в его холодных глазах ее ужасно испугало и мешало сейчас думать. В общем выбирать было не из кого.

– Вот и ладно, – сказала она себе. – Пусть будет загадочно и непонятно. Так даже лучше! Пусть помучается, скотина, отгадывая!

Мария вспомнила, как две недели назад выпивший лишнего Иосиф отловил на улице градоначальника и стал его прилюдно изобличать, крича на всю Магдалу, что “этот богоотступник” экономит на конопляном масле для светильников синагоги, а, стало быть, что он ворует у Бога. Иосиф говорил так искренне, так вдохновенно, как говорят, наверное, только настоящие пророки. Согнувшейся в три погибели Марии говорить сейчас было до чрезвычайности неудобно. – Она задыхалась.

– Эх, если бы можно было выпрямиться и немного отставить правую ногу!… —

посетовала она, и вдруг решение пришло. Само! Мария пошмыгала носом, готовясь… А потом, не меняя позы, задрала полу своего платья и поставила ногу на грудь поверженного врага. – Получилось очень красиво. Ей понравилось. И Михаэлю тоже. Но, правда, только им и понравилось. Сир, так тот был в ужасе.

Подождав самую малость, девчонка набрала в грудь побольше воздуха и, старательно копируя “пророческие” интонации Иосифа, нараспев заговорила низким замогильным голосом:

– И в ту страшную минуту ты ее узнаешь.

Для большего впечатления Мария наморщила брови и выпятила вперед нижнюю губу…

– Она подойдет к тебе из темноты совсем близко. Как тень. И посмотрит на тебя своими страшными глазами. Такими узкими, что ты их даже не увидишь. Ты меня понял? – Девочка это будет. С узкими глазами! И совсем даже не еврейка! Все! Больше я тебе ничего не скажу, дурак! И, если мое пророчество не сбудется, можешь меня тогда побить камнями!…

Еды не давай. Только воду.

– Ты что, совсем спятил, идиот?!, —

не помня себя, кричал на недоумевающего, но еще не готового расплакаться китайчонка Каифа, когда они оказались в дальней комнатке, откуда их не могли слышать гости. Узнать в этом растрепанном, визгливо орущем старике только что мило шутившего добряка было совершенно невозможно.

– Из ума что ли выжил, болван?! Ты на кого руку поднял, тварь? Я же забью тебя до смерти, раб! Совсем ослеп, что ли?! Она – моя гостья! Да если Константин узнает, что ты хотел ее убить… Мне даже противно сказать, что он с тобой сделает!…

Ну вот, уж и нос ребенку разбил. Нехорошо как-то…

– Я… я… я… Мне показалось…, —

заикаясь, оправдывался проштрафившийся мальчишка, до смерти напуганный отнюдь не перспективой быть побитым Каифой, а тем, что о его проступке узнает принц. Еще бы ему не испугаться, ведь однажды он стал свидетелем того, как на Константина прямо за домом Каифы напали выскочившие из подворотни пять или шесть мучеников Элазара – героев Израиля. Все они были вооружены длинными кривыми ножами, и рожи у них были просто зверские. Принца сопровождали тогда два пеших легионера. Всего-то!… Так вот, охранники не успели даже вытащить мечи. Константин сделал что-то непонятное руками и нападавшие стали валиться на камни мостовой. Без звука. Как снопы. Уже мертвые… Сам же принц при этом даже не вспотел. – Не успел. Когда ему было потеть, ведь все произошло мгновенно? У него не изменилось даже выражение лица. С каким он вышел от Каифы, с таким и продолжил свой путь. Чуть ли не с улыбкой на губах. Безмятежной и мечтательной. И откуда в его руках взялись эти маленькие, тускло сверкнувшие на солнце железки?…

– Ну и что тебе показалось, кретин?!

Каифа продолжал трясти за плечи уже почти плачущего мальчугана. Да так сильно! Странно, как еще голову ему не оторвал. Запросто мог…

– Что она хочет зарезать хозяина, – слизнул кровь, вытекавшую из носа, маленький убийца и… все-таки не заплакал.

– Чем?! – У нее же ничего в руках не было. Ты что, слепой?! Да хоть бы и зарезала этого выродка! Все б только вздохнули свободно… Убирайся с моих глаз, дрянь узкоглазая! Что б я тебя больше не видел!

А ведь, если вдуматься, мальчишка всего лишь честно исполнил свои профессиональный долг. Бить-то его было зачем?…

В зал после неправедной экзекуции вместо Каифы вернулся другой человек, которого гости не сразу и узнали, поскольку он мало чем напоминал того слабака со слезящимися глазами, которого могут затравить избалованные дети. Даже если предположить, что эти дети – сущие монстры. И очень постарались бы. Вошедший в зал был тих и сосредоточен, словно составлял в уме меню завтрашнего обеда. Он не стал поднимать лежавшего на полу сына, а просто взял его за ухо и с легкостью, изумившей присутствующих, потащил его, завопившего от боли и начавшего как-то несолидно сучить ногами, к двери. На полпути их нагнал человек без лица и спас непонятно почему еще не оторвавшееся ухо будущего иудейского первосвященника, ухватив сына своего патрона за шиворот, чем, конечно, особого почтения к нему не выказал, но страдания его безусловно облегчил. В общем, помог он Каифе.

А странный какой-то этот секретарь. Он ведь даже не шевельнулся, когда Михаэль дубасил обидчика Марии. Ему и в голову не пришло броситься на помощь. Он все прекрасно видел, поскольку находился ближе всех. Но выручать сына хозяина не пришел! Может он был в тот

момент чем-то занят? – Да, точно – был: он подливал в свою чашу вина. Ни капли, между прочим, не пролил.

– Запрешь на неделю в подвал, —

тихо сказал ему Каифа, отпуская ухо сына.

– Еды не давай. Только воду.

Усевшись снова между Иосифом и Сиром, Каифа долго еще извинялся перед гостями за случившееся. Потом Марию и Михаэля отправили спать, а в зал внесли амфору греческого вина, жареного фазана, фрукты и ларец со свитками, судя по их древности – огромной ценности. Осторожно развернув первый, Иосиф начал тереть глаза и разволновался так, что даже от вина отказался, чем серьезно озадачил Сира. Как-то странно побледнев, Иосиф встал, взял со стола ларец и молча ушел с ним в дальний конец зала изучать пергаменты, прихватив с собой светильник и оставив Каифу с Сиром наедине. Вернулся к столу он только через час, абсолютно трезвый и долго еще не мог говорить.

– О чем же я буду с ними беседовать?, – допытывался у Каифы Сир, с тревогой поглядывая на странно притихшего Иосифа.

– Чтобы ты, да не нашел о чем? – Да хоть о погоде, – немного заплетающимся языком отвечал ему Каифа. – Или о греческой поэзии. Или о том, как у вас там, в Магдале, лечат радикулит. Какая разница, о чем говорит человек, приехавший в Ершалаим в карете, в которой до него ездили только цари? И, кстати, очень хорошо, что к этим денежным мешкам ты отправишься уже на собственной, на которой, как я заметил… Кажется, это герб Юлиев? Кстати, Константин не сказал, чтобы ты его снял? Нет? Очень хорошо!… А потом, ты что думаешь – они не узнают лошадей, которых сами же и подарили прокуратору? Эти лошадки не дешевле моих будут. Имей в виду, тебя бояться станут. А поэтому будь с ними прост и открыт. Вот как со мной сейчас. Предложи им свою дружбу. Чаю с ними попей. И запомни, единственное, с чем ты к ним идешь, это – их успокоить. Познакомиться с ними. Главное, ни в коем случае ничего у них не проси. Сами тебе все в зубах принесут. Эх, тебе бы управляющего… Такого, чтоб вид имел…

Спать Сир отправился счастливым и умиротворенным. По правде говоря, он не очень понимал, почему Каифа так настойчиво просил его не переезжать из Магдалы, как бы ни стала вдруг меняться его жизнь, и даже оговаривал этот пункт их соглашения как единственное условие своего невидимого участия в магическом спектакле, когда в дверь никому не известного провинциального виноторговца постучится фортуна и за пару лет превратит его в богатейшего коммерсанта Иудеи. Собственно, сам Сир может бывать где угодно, проводя вне Магдалы столько времени, сколько потребуют дела. А вот Марии до определенного момента, который, думается, настанет года через два, самое позднее – через три, ни при каких обстоятельствах не следует ее покидать. А, чтобы внезапно взлетевшей на вершину немыслимого благосостояния девочке не сделалось противно видеть вокруг себя грязь и убожество, Каифа пообещал избавить ее от этих безобразий, превратив Магдалу чуть ли не в курорт. И очень скоро. Буквально через год. Выписанный им из Рима архитектор уже над этим работает. Про деньги, правда, Каифа опять-таки ничего конкретного не сказал. Откуда они возьмутся? И на город, и на сказочную жизнь. Но слушать его было приятно…

Главное же, что подняло Сиру настроение, это то, что ему не пришлось сегодня врать. Вот вообще не понадобилось! Каифа странным образом не проявил интереса к теме, которая, как полагали Иосиф и Константин, должна была бы его сильно волновать, а именно: сколько в жилах Марии течет еврейской крови. Словно бы он и так уже знал правду, и она – эта правда – его вполне устраивала. Казалось, что его даже больше интересует, кто такой сам Сир, откуда его родители и что он так долго делал в Греции. Болтая о том о сем, первосвященник пару раз нечаянно обмолвился, назвав своего собеседника Сервилием, чему оба они мило поулыбались.

Единственное, о чем Каифа попросил рассказать поподробнее, так это о том, как умирала мать Марии. Что она чувствовала за месяц до смерти, когда вдруг ослепла. Правда ли, что за неделю у нее отнялись руки. И какими были ее последние слова. Кого она в последние минуты вспоминала и не сильно ли они нуждались, пока скрывались, бегая из одной страны в другую. Сначала втроем, а потом вдвоем…

Зачем Каифе понадобилось все это знать? Какая ему, собственно, разница, как умирала мать Марии, Сир так и не понял. Но, раз уж хозяин дома оказался таким хорошим человеком, он честно рассказал первосвященнику, как все тогда случилось. Ну, что помнил. Пару раз даже всплакнул. В общем, вечер прошел замечательно! А Каифа и правда был на высоте. Не корчил из себя грозного вершителя судеб, притом что власти в его руках было не меньше, чем у Ирода, о чем Сиру, конечно же, было известно. Было похоже, что обещания этого человека не были пьяной болтовней. Что он все сделает, как сказал. И это было так здорово! Открывалась новая жизнь. Легкая и прекрасная. Да просто волшебная! Кто бы мог еще вчера подумать…

Не знает он, идиот, о каком озере Исаия говорит!…

Мария осторожно поскреблась в дверь к Михаэлю. Долго не решалась к нему придти и до последнего ждала, что он, как настоящий мужчина, догадается… Явится к ней сам. Ну, хотя бы для того, чтобы пожелать спокойной ночи… Да мало ли зачем! Просто побыть с ней… Рассказать, понравились ли ему ее лошади. Ведь понравились же!… После того, как он так красиво вступился за нее и надавал по морде этому дураку, она больше уже не думала о том, что с ней случилось в Кесарии. Про эфиопок. И про фиалки… Теперь она вспоминала лишь свой дом, грозу в ту ночь, накануне их отъезда и его чудесную, такую сладкую клятву. А еще как он промазал и вместо того, чтобы поцеловать ее плечо… Как оба потом не знали, что в таких случаях нужно делать, и долго сидели молча. У нее дрожали коленки и в животе совсем обнаглел кто-то большой и бесстыжий…

Что красивого Мария нашла в драке – трудно сказать. Но разве это не было прекрасно?… А еще завтра они вдвоем пойдут смотреть город. И у них ведь теперь есть деньги. Много денег! Что-нибудь купят себе на базаре…

Она помылась как смогла, неприятно подивившись тому, что в таком шикарном дворце нет ни канализации, ни бассейна. Погоревала по этому поводу и надела ту самую рубашку, которая была на ней в их грозу. Тонкую, которая, как выяснилось, так удачно может “сама” сползать с плеча… И улеглась на узенькую постель ждать. Лежала и дулась… Извелась вся. Прислушивалась. А он все не шел. Мама тут еще заявила, что он вовсе не придет. Что она это точно знает. Хотя и хочет придти. Что думает он сейчас о ней. В том числе и очень неприличные вещи, которые порядочная девушка не должна мальчикам позволять. Пока она не замужем. Мария про “порядочную девушку” слушать не пожелала. Заткнула уши. Обиделась и на Михаэля, и на мать… Собралась поплакать, но сообразила, что от слез и обид на весь белый свет проку будет мало, а глаза распухнут и утром она будет некрасивая. —

– Неужели этот дурак не придет? Господи, ну кругом предатели! И жалкие трусы… А ты могла бы и погромче сегодня подсказывать, —

отчитала вдруг она свою мать. —

– Тебя там все равно никто не видел и не слышал, —

и, проглотив обиду, решительно поднялась с постели. —

– Вот только не надо мне сейчас ничего говорить!, – с угрозой зашипела она. – Уйди с дороги! И ничего я не больная! Сама ты… Просто я уже выросла. И это нормально. Сама же говорила… Господи, мама, ну вот о чем ты сейчас?! Если бы!… От него дождешься! – Он же до свадьбы будет руки за спину прятать! Дурак глупый… —

Вернулась к себе Мария где-то в полночь. Все, как матери про “руки за спиной” сказала, так оно и случилось.

– Вот наказание!…

Уснула по этому поводу несчастная.

– Ну да, поцеловались… Четыре раза. Последний раз – более менее…

Но фиалками все равно не запахло, хоть она и очень старалась…

– Господи, скорее бы свадьба! Ну невозможно уже!…

Сны ей снились те самые… Даже хуже! Их было три. Ни минутки поспать не дал…

– Совсем с ума сошел, дурак бешеный! Опять синяков везде наставил! Вообще что ли не понимает, что здесь все слышно?! – Стены тонкие, а двери… Как будто их и вовсе нет… Как хорошо было бы в том бассейне… Ну почему они все такие глупые?!…

Иосиф и Каифа долго еще сидели в пустом зале. Сидели и молча тянули вино, размышляя каждый о своем. Или об одном и том же?… Уж и слуги отправились спать. Первым очнулся Каифа.

– Ну так что скажешь?

– Ты об этих свитках? Или… Ты о чем?…, —

пряча глаза, малодушно заблеял Иосиф, и было видно, что он не готов к разговору. Не то, чтобы не хочет его, но словно чего-то боится. —

– А кто-нибудь о них знает?… Кто-нибудь еще читал?

– О-о-о, как с тобой весело! Узнаю моего храброго друга. Ну давай, потяни время. У нас же впереди вечность!… А знаешь, мне твой Сир понравился. Такой не даст Марию в обиду. И хорошо, что он не стал врать насчет того, какой он чистопородный еврей. Поди, всю дорогу учил его?

– Да я… А при чем здесь я, собственно?, —

растерялся раввин. Он понятия не имел, о чем Каифа разговаривал с Сиром, но представление о том, как ловко первосвященник умеет выведать всю подноготную, не задав ни одного прямого вопроса, имел.

– И потом, – что я понимаю в торговле?

Ну что ж, Иосиф, подслушавший лишь окончание их беседы, сделал правильных ход. Впрочем, Каифа не собирался ловить его на вранье. Вроде как не за тем сюда позвал, чтобы ставить в неловкое положение и заставлять изворачиваться. Однако, нельзя же было не поиздеваться над старым другом.

– “Собственно”…, – прицепился он к этому безобидному слову. – А в чем ты, “собственно”, разбираешься? Ну, кроме вина, конечно… И прекрасных дам…

– Да я…

– Ладно, – остановил он Иосифа и посерьезнел, – мог бы и сам догадаться: эти пергаменты читали все первосвященники, что были до меня. Все до единого!

Каифа только теперь, когда они остались наедине, получил возможность как следует разглядеть Иосифа. И отметил в нем что-то новое, чего прежде не было. Раньше, например, Иосиф не был таким пугливым. Не прятал глаза. И вообще лучше выглядел. Как-то посвежее. Налил еще вина – ему и себе.

– Знакомиться с этими свитками, – продолжил он, – наша обязанность. Там еще штук десять подобных… Читаешь их, принимаешь к сведению и прячешь под замок в надежде, что не ты, а какой-нибудь другой первосвященник наберется смелости и… Когда придет время… А я вот решился вытащить их на свет Божий и показать простому смертному. Все! Хватит юлить! Говори! Что я тут перед тобой комедию ломаю?…

– Так я теперь простой смертный?, —

все еще пытаясь уйти от разговора и понимая, что выглядит при этом глупо, решил изобразить обиду Иосиф. Расшевелить себя этим ему не удалось, но хоть голос немного окреп. Он даже приосанился и попробовал смотреть Каифе в глаза.

– А кто ж ты еще?, – не отказал себе в удовольствии поддеть Иосифа за живое Каифа. – Ты ведь теперь даже не член синедриона. Так, мелочь пузатая… Никто!

– Да уж, благодаря тебе…

– Благодари самого себя, старый дурак! Ты что же думаешь, я не знал, что ты собирался свергнуть меня и подговаривал на эту глупость других членов синедриона?!

– Да я…

– Что – ты?!

– Это был не я…

– Ну конечно… Вот только не надо мне сейчас сказки рассказывать! Тебя Ездра выдал. Я лишь посулил ему твою казначейскую должность, и он тут же тебя заложил. С легким сердцем. Как родного!

– Вот сволочь!, —

вмиг проснулся Иосиф. Каифа нашел лучшее средство разбудить друга.

– Это точно. А ты что же, действительно ему верил?

– Угу…

– Ну и напрасно, – равнодушно уронил Каифа. – Я о тебе лучше думал. Он, кстати, завтра твой героический подвиг собирается повторить. Решил по твоим стопам пойти.

– В каком смысле?

– В первосвященники метит. Господи, как же они, идиоты, любят по граблям ходить! Прямо неймется им. Уж и коалицию против меня составил. Как видишь, у нас тут все по-старому. Скучать не приходится.

– А как же?…, – удивился и, похоже, даже забеспокоился Иосиф. – Ты ведь уезжаешь утром к Ироду. Разве можно в такой ситуации?…, – он даже забыл про вино. И глаза загорелись.

– Да никуда я не еду. Не волнуйся. Мой отъезд – басня для Ездры, чтобы подтолкнуть его к решительным действиям. Надоело ждать. Уж больно он тянет. Так что завтра мы с тобой весь день проведем здесь. Взаперти. Будем по душам разговаривать и ждать новостей с поля боя. И вообще нам нужно решить, как дальше быть со всеми этими пророчествами… Ну, а уж если с Ездрой что не так пойдет, тогда, понятное дело, придется вмешаться.

– Так ты меня затем позвал, чтобы я этого гада остановил?

– Да забудь ты о нем! Считай, что он уже умер. Я его как щепку сломаю. Он сам в петлю залезет. За каждым его шагом в четыре глаза смотрят…, – и вдруг мечтательно прибавил: – А как было бы здорово, если бы он и в самом деле подох! Скажем, сгорел в огне! Или взорвался. Так, чтобы мокрого места от него не осталось!… Кстати, в Ершалаиме никто не знает о том, что ты в городе, – спохватился и переключился на другое Каифа. – Ваш градоначальник едет сейчас с моим архитектором домой. Так что никому не проболтается. А вот детей надо бы предупредить.

– О чем?

– Чтобы поаккуратнее себя вели. Я хочу, чтобы завтра они кое-куда сходили и там на них знающие люди посмотрели. Дали свое заключение, так сказать… А вот чего я *не* хочу, так это того, чтобы кто-нибудь из них узнал, что Михаэль – твой сын. И что ты сейчас у меня дома.

– Не понимаю, к чему такая таинственность?

– Ты свитки прочел?

– Ну да.

– Все?

– Разумеется!

– Тогда зачем спрашиваешь?

– Если честно, – замялся Иосиф, – я не понимаю, зачем ты вообще мне их показал? Я ведь теперь никто. Сам же сказал.

– Ну давай, пожалуйся! Выжми из меня слезу. Давно я ни перед кем не каялся. Может все-таки по делу говорить начнем? Время позднее… Так что скажешь?

– Ну а что тут сказать? Писал…

Иосиф запнулся, не решаясь произнести вслух священное имя.

– Исаия, – наконец, с трудом выдавил он из себя и боязливо огляделся по сторонам.

– Это я и без тебя знаю, – холодно остановил его трепыханья Каифа. – Я тебя сюда не за тем вытащил, чтобы устанавливать авторство. По тексту – что?

– Ну… Это просто неслыханно!

Иосиф развернул один из пергаментов.

– К примеру, этот кусок: – “Вот, Отрок Мой, Которого Я держу за руку, избранный Мой, к которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на Него, и возвестит народам суд; не возопиет и не возвысит голоса Своего, и не даст услышать его на улицах; трости надломленной не

переломит, и льна курящегося не угасит; будет производить суд по истине; не ослабеет и не изнеможет, доколе на земле не утвердит суда, и на закон Его будут уповать другие народы.”

– А что тебя смущает?

– Так он же прямо, вот просто открыто пророчествует о Мессии.

– Не говори со мной, как с идиотом! Я и без тебя знаю, о ком там написано! Ты скажи, могу я этот пергамент показать синедриону?

– А разве ты сможешь его скрыть?

– Не валяй дурака!

– Ну да… Конечно…

– Так что?

– Я бы не стал.

– Почему?

– Потому что это – наша вера!

– Не понял…

– Он – наш Мессия.

– А у тебя Его что, кто-то отнимает?

– Но там же ясно сказано: – “На закон Его будут уповать другие народы”.

– Я помню, спасибо. Что из того?

– Как что?! А зачем нам “другие народы”?

– То есть?… Тебе жалко, что ли? Делиться не хочешь?

– Мне Мессию жалко.

– Интересно…

– Его же убьют!

– Прямо так сразу?

– А то ты не знаешь!

– И кто же Его убьет?

– Да твой синедрион и убьет!

– Это за что же?

– За то, что Он придет разрушить нашу веру.

– Каким это образом? Тем, что про любовь начнет говорить?

– Кому?

– Что кому?

– Кому Он начнет говорить про любовь, Каифа?

– Что значит – кому?

– Так ведь получается, что другим народам.

– Ну… И им тоже.

– Да не тоже! Исаия прямо говорит, что Он именно к ним придет!

– Ну, положим, придет Он сперва все-таки к нам. С нас начнет.

– Да какая разница – с кого Он начнет?! Теперь это уже неважно – к кому Он придет сначала!

– А что важно?

– То, что мы перестанем быть избранным народом!

– Ты действительно так думаешь?

– Так станет думать твой синедрион! Как будто ты не понимаешь…

– А как думаешь ты?

– Никак я не думаю.

– То есть…

– Наплевать мне!

– И давно? Что, тебе на все плевать?

– Нет, ну ты чего?… Я сейчас вообще не о себе. Я не о том… Просто мне все равно, избранные мы или нет.

– Вот это ты хватил!

– Это не я, это Исаия хватил! Если уж он такое пишет…

– Ну ладно. Предположим… А насчет второго свитка что?

– Тут я запутался.

– Больше не дам вина.

– Ты чего?, – обиделся Иосиф.

– Я могу пить с ворами. Или с убийцами. С последними даже предпочитаю. А вот с тупицами как-то противно, знаешь ли…

– Я тебя не оскорблял, Каифа!

– А я тебя пока что тоже…

– Ты говоришь обидные вещи!

– Только тупица мог не разобрать, о чем там сказано.

– Но я правда не понял, про какое озеро он говорит.

– Хватит врать!

– Что ты на меня орешь?

– А что тебе непонятно? Где там можно ошибиться? – К северу от Ершалаима не так уж много озер.

– Я не про озеро… Не могу понять, что значит “светлая отроковица в безумии своем откроет…”?

– Ну и что тебе не понятно?

– Кому она откроет?

– То есть как кому?

– Да в том-то и дело, что когда Исаия так пишет… Вспомни его пророчество об…

– Не отвлекайся!

– А я и не отвлекаюсь! Просто здесь действительно можно прочесть по-разному. Например, “она покажет”. То есть те, кто будут рядом, увидят Его? Или она им на кого-то укажет?… Кстати, он нигде не говорит, что, когда “она увидит” или “покажет” Его другим, то эти другие Его увидят. Это же – тайнопись… Или вот, например… Но это, конечно, вещь невозможная… Ну… Ведь можно и так это пророчество прочесть…

– Как?!, – не выдержал Каифа, – Говори уже, старый дурак! Не тяни!

– Или она увидит Его в себе… А что?, – испугался Иосиф, – Исаия мог ведь и это иметь в виду.

– То есть как?!…, – теперь уже опешил Каифа.

– Ну так, что она-то и окажется Мессией.

– Девчонка?!

– А где ты читал, что Мессия непременно должен быть мужчиной? Кто это сказал?

– Да какой из нее Мессия?!

– Из кого?

– Ну тебе что, в ухо дать?! Ты что, издеваешься надо мной, старый болван?!, —

непонятно с чего вдруг разволновался Каифа. Вскочил. Схватился за амфору. Даже пятнами весь пошел. Налил себе. Половину пролил на стол. Про Иосифа забыл.

– Не знает он, идиот, о каком озере Исаия говорит!…

Залпом выпил вино. Швырнул пустую чашу на стол. Медленно повернулся к Иосифу и негромко спросил:

– Так кто из них?

Как ты себе представляешь – проснуться в могиле?

Аву и в самом деле полегчало, когда они выбрались на воздух. Не то, чтобы он вдруг совсем выздоровел и готов был снова летать, но хотя бы немного отступила эта омерзительная тошнота. Константин, понимая, в каком состоянии находится его чудесным образом найденный родственник, не решился настаивать на том, чтобы подъехать к его ершалаимскому дому в карете, дожидавшейся у ворот. От этого предложения мальчишка наотрез отказался, потому как за последние сутки вдоволь накатался на всем, на чем только можно ездить. Хватит с него колесниц! Он их видеть больше не мог. В особенности его почему-то пугал вид колес. Ему казалось, что из ободьев на него смотрят втиснутые в них глаза. В огромном количестве и причем его собственные! К тому же ехать эти глазастые колеса готовы были каждое, куда захочет, от чего противно кружилась голова и во рту появлялся отвратительный вкус чего-то железного и совершенно несъедобного.

Четверка легионеров – минимальный отряд, обязанный сопровождать прокуратора во всех его перемещениях, без энтузиазма отнеслась к идее идти пешком по беспокойным улицам ночного города, тем более, что солдатам теперь пришлось вести под уздцы своих коней, что неправильно, поскольку руки, равно как и внимание телохранителей должны быть всегда свободными, однако спорить с Константином, понятное дело, никто не посмел. Валерий Грат никогда так не рисковал. Правда, об умении временного прокуратора Иудеи и без всякой охраны отбиваться от хулиганов ходили легенды. Зачем она ему вообще была нужна – эта охрана? – Непонятно…

Довольно странная, надо сказать, компания отправилась от дворца Каифы: впереди шествовал разодетый в пурпур и золото римский вельможа, державший за руку иудейского оборванца, чей рот ни на секунду не закрывался; за ними понуро брели четыре солдата, выгуливавшие своих не скрывавших удивления коней; а позади шагом тащилась карета с юлиевыми гербами, которую шесть возмущенных идиотизмом ситуации лошадок светлой масти порывались сорвать в галоп, кабы не кучер, тоже мало что понимавший, но по счастью уже хлебнувший из фляжки и потому согласный на все…

Константин сообразил, что психотропное снадобье поможет Аву быстрее справиться с приступом их семейной болезни, если мальчишку при этом еще и разговорить, заставив тем самым от мигрени отвлечься. Ну что ж, он оказался прав. Как всегда. Тем более, что ему и в самом деле нужно было кое о чем Ава расспросить. Будучи опытным переговорщиком, он не стал напрямую допытываться о том, что означает это их загадочное “мы втроем” (или как там сказала Мария – “нас трое”? – Так, кажется…). Разумеется, он понимал, что она не просто так проговорила эту формулу. Константин, как и Каифа, почувствовал, что она вовлекает двух своих добровольных рабов в какую-то хитрую и не факт, что безопасную, игру. И эта игра, когда Ав зажмурился и начал тереть виски, стартовала. Игра, в которой проигравший был заведомо известен. Вернее, был этой бандой назначен. А еще точнее, назначен он был предводительницей шайки. И деваться ему, бедному, было уже некуда.

– И зачем только этот кретин оскорбил Марию?!…

Вряд ли наследник Каифы, проглотивший отравленную приманку, мог предполагать, чем для него закончится безобидная с виду игра. И, главное, когда! Константин интуитивно понял, что того, во что конкретно выльются “мирные” библейские чтения, не знали пока что и сами пираты. Но им уже было известно, что Мария, конечно же, выиграет. Что она просто не может проиграть! И вообще, что все случится “по слову ее”. Это Константин прочел на ее лице. Об уже одержанной победе говорила ее насмешливая гримаса и нехороший блеск в глазах. Улыбка змеи, поймавшей в свои смертоносные, но пока еще не сжавшиеся кольца глупого мышонка. Смертоносные!… Вот оно – слово, которое, увидев, как Ав трет виски, Константин явственно

услышал. Почему и поспешил увести оттуда мальчишку, как бы чего худого не случилось прямо там, при Каифе. Это малолетним разбойникам первосвященник мог представляться кем угодно, хоть милым дядюшкой, хоть добрым джинном из детской сказки, но Константин знавал его и под другими личинами.

– Не помню, чтобы я сам вдруг вызвался рассказать тебе про ее секрет.

– Ну как же! Когда мы уезжали из гарнизона… Вспомни! Ты меня еще хотел увести подальше от кареты, чтобы нас никто не услышал. А твой учитель помешал. Как всегда… Деликатный прямо до невозможности… Убил бы гада!

– А-а! Ты об этом…, —

вспомнил Ав, и глаза его ожили. Константин даже в полумраке увидел, как они засветились синим. —

– Мог бы и сам уже догадаться, как она все устраивает. Тут важно – не как, а – почему.

– Не понял…

– А что тут непонятного? Тебе же была дана подсказка.

– Ты о чем?

– Ну, помнишь, Михаэль еще бросил на песок монету, которую Мария ему подарила?

– Помню. И что? Вообще-то говоря, с его стороны – довольно хамская выходка.

– Это уж их дело. Разберутся. А что потом случилось, помнишь?

– Ничего не случилось. Он полез к Гавриилу на козлы, а монету поднял Иосиф. Вот и все.

– Ну а перед тем, как он ее поднял? Разве ничего не происходило?

– Не помню… А что там могло случиться? Мария поднялась, села в карету и мы поехали. Все.

– Вот именно: поднялась! Сам же сказал. Ну так что, – понял?

– Да что, собственно, тут можно понять?!

– Вспоминай глазами! Вернись туда. Почему она поднялась?

– Потому что сидела на корточках.

– Правильно. И?…

– И что-то чертила на песке… Мне так показалось… Меня это тогда еще немного насторожило. Она не смотрела на то, что пишет.

– И очень хорошо, что насторожило. А почему?, – Ав начал проявлять нетерпение.

– Да ты вроде как говорил, что она не умеет читать. И писать, соответственно…

– Ну! – Все правильно. И какой делаешь вывод?

– Пока никакого, – растерялся Константин. – А что же она тогда делала, если не чертила на песке? Я помню, как ты рисовал мне… У озера. Под деревом. Ты мне еще рыбу тогда принес.

– Ничего я тебе не приносил.

– Да не важно!

– И под деревом я с тобой не сидел.

– Как не сидел? Ну ладно. Так вот… Я подумал, что у вас так принято – рисовать на земле. Мы, когда я учился в Афинах, тоже…

– Ничего у нас не принято!, – оборвал его Ав. – Она искала в песке монету. Золотая все-таки…

– Погоди. А какое это имеет отношение к тому, о чем ты собирался мне рассказать?

– Про то, как она заставляет людей видеть в ней того, кого ей хочется?…

– Ну да.

– Господи, да что ж тут непонятного!, – не выдержал Ав. – Как она может заставить что-то сделать того, кого не видит?! Подумай сам.

– То есть…

– То есть она всех нас себе придумывает! Какой ты в самом деле несообразительный!… Нет, она пока еще что-то видит, иначе это давно бы все заметили. Но только очень плохо видит.

И поэтому ей приходится додумывать. Фантазировать, как мы выглядим. Точнее, как можем выглядеть. Должны бы… Понимаешь, Мария – фантазерка…

– Ну, это ты можешь мне не рассказывать! Убедился уже. Еще какая выдумщица, скажу тебе!

– Только ведь она не просто фантазирует. Она в это верит. Не задумываясь! Думает, что так оно и есть. А потому все, что она начинает видеть… Как бы тебе сказать… Она ведь не знает, что все это придумывает. В общем все, что она фантазирует, для нее – настоящее. А нашего настоящего для нее просто нет. Она считает, что это как раз мы придумываем себе всякие глупости. Всякое вранье, как ей кажется. Ну, раз она всего этого не видит… Понимаешь, что-то в ней устроено так, что, если в ее мире этого нет, значит этого нет вообще. Зато, если уж она что увидит, даже если этого на самом деле нет…

– И давно это у нее началось?, —

решил сойти с опасной дорожки Константин. Его мозги еще не начали закипать, но он сейчас забеспокоился об Аве, который от возбуждения опять стал задыхаться.

– А вот это – неприличный вопрос. Воспитанные мужчины такого не спрашивают!

– Понятно… Значит, примерно год назад…

– Два, —

смутившись, поправил его Ав. Господи, как же легко было поймать его на крючок!

– Она что же, так рано созрела?

– А что, месячные в десять с половиной лет – это, по-твоему, рано? В Магдале некоторые девочки в этом возрасте уже рожают.

– Ничего себе!

– А чему ты удивляешься? Здесь тебе не Рим. Тут солнце другое. А потом, дядя Иосиф для нас разные упражнения придумывает, чтобы Богу было удобнее с нами разговаривать. Только после некоторых из них какой-то бешеный делаешься и такого хочется, что сказать неприлично.

– Даже так?

– Ага. Три года назад он велел нам представить себя похороненными заживо.

– Он что, совсем рехнулся?! Идиот…

– Почему сразу рехнулся? – Очень, скажу тебе, полезное упражнение. Представь, что тебя завернули в тряпки и закопали в песок.

– Да он точно спятил, этот ваш учитель! Сволочь!…

– Вот зря ты на него злишься. Ты же сам разных философов читал. И вообще, умных уважаешь.

– А при чем здесь умные?

– Так ведь у тебя времени прибавляется, чтобы думать. Разве это не здорово?

– Как это – прибавляется времени?…

– Буквально. Ты ведь только тогда и можешь не спеша о чем-нибудь подумать. По-другому, не как раньше… Если действительно сумеешь представить, что тебя зарыли в темноту. Да тебе просто ничего другого не останется, кроме как умным стать.

– Ты то о муравьях, то… Я уже ничего не понимаю! Откуда время-то берется?

– Так ты же спать перестаешь.

– Как это?

– Ну а как ты себе представляешь – заснуть в могиле?

– Да, в общем, можно, наверное… А почему нет?, – задумался Константин.

– Давай, попробуй, – с сарказмом предложил Ав.

– А что тут такого особенного?

– Да ничего, в общем. Только как ты просыпаться будешь? Не подумал? Заснул себе, красивые сны начал смотреть и…?

– Что – и?

– То самое! Как ты себе представляешь – в могиле проснуться? Ты же с ума сойдешь от ужаса!

– То есть ты хочешь сказать…

– Вот именно! Ты вообще перестаешь спать. Ну, конечно, и бодрствование твое уже не совсем тем становится, к чему ты привык. То есть – совсем не тем, что мы этим словом называем. Собственно, ты больше и не спишь, и не бодрствуешь.

– Но ведь так можно спятить! Траву начать есть…

– Запросто, если не поумнеешь, – спокойно согласился с кузеном Ав. – Вот для того дядя Иосиф нам и нужен, чтобы мы не начали есть траву.

– И что, этот пьяница действительно может кому-то помочь?

– Как видишь, мы живы. И вроде как нормальные…

– Особенно вы с Марией!, – съязвил Константин. – Слушай, —

внезапно сошел он с темы, желая поберечь свои нервы и мозги. —

– А почему бы тебе на ней не жениться? Мне кажется, у нее сейчас такой гон пошел, что ей уже почти все равно, с кем…, – и прикусил язык.

– Как это почему?, —

от неожиданности Ав даже задохнулся. Слава Богу, он не расслышал последней фразы.

– Ну, во-первых, у нее с Михаэлем любовь. Уже давно. А потом…, – замялся он, – мы ведь, получается, родственники. Дети у нас нездоровые будут. А она ужасно хочет ребенка. Каждую ночь меня об этом просит. Прямо с ума сходит и все разрешает… Ты же сказал, что она моя сестра…

– Если быть точнее, – племянница. Но я могу тебя на этот счет успокоить. Дело в том, что род Юлиев делится на две ветви. Одна – сильная, другая – слабая.

– В каком смысле?

– Ну, большинство политиков, деньги и прочее, – это все в сильной.

– Не понял, а мы с тобой – из какой?

– Из сильной.

– А как же дед Марии? Он что?…

– Прадед, – поправил его Константин. – Парадокс, но великий Цезарь – происходит как раз из слабой ветви Юлиев. Он, по сути, является ее единственным заметным представителем. Другие так, мелочь. Но я не об этом. Понимаешь, мы с Марией, конечно же, одного рода. В том смысле, что у нас одно имя, герб и прочее. Но, если говорить о крови, то она тебе никто. Мы родня – только по имени. А кровь в наших жилах течет разная. Кстати, уже были браки…

– Что ж ты раньше молчал?!, – разволновался Ав.

– Да ты вроде не спрашивал, —

опешил Константин. Разговор о “нас трое”, как он понял, откладывается на потом. Ну ладно. Тем более, что уже и к дому подошли. —

– Слушай, – вдруг спохватился он, – А как же она у Каифы вино разливала?

– Кто?

– Да Мария!

– А что такое?

– Она не промахивалась. Ни капли мимо бокалов не пролила.

– Так ты что, действительно не видел?, – изумился Ав. – Ей же мать все время помогала.

Если бы Константин не говорил вчера с Леонтиной, он решил бы, что Ав над ним издевается. А ведь, если честно, он так до сих пор и не был уверен в том, что этот оборвыш с безумными глазами говорит всегда одну лишь правду. Хотя, впрочем, и на вранье пока что пойман не был…

Может, лучше белых коней купить?

– Эх, Марию бы сюда!, —

невольно вырвалось у Ава, когда он огляделся. В доме Константина было решительно все: и вожделенный бассейн, и сказочные растения с хищными живыми цветками, росшие прямо из каменных ваз, и канализация, на которой зеленоглазая колдунья совершенно помешалась. Была здесь даже собственная водонапорная башня. Небольшая, правда, гораздо меньше той, что начали строить, да так и не достроили в Магдале. Даже настоящий фонтан, в мраморной чаше которого плавали ленивые красные рыбы, которых судя по всему здесь никто не ловил, и тот был! Вода в нее узкой струйкой лилась самым бесстыдным образом – из пузатого каменного мальчишки. А на дне чаши, высокомерно безразличные ко всему, в том числе и к неприличному звуку, дремали разноцветные морские звезды. И вся эта сумасшедшая роскошь уместилась в здании, которое было значительно меньше сумрачного дворца Каифы, где ничего такого Ав не приметил! Была в этом доме еще конюшня и даже большой каретный сарай, но Ав уже не пошел их смотреть. Поверил на слово.

– Интересно, а у Ирода во дворце тоже есть фонтан с рыбами?, —

озадачился вдруг странным вопросом мальчишка, и ему почему-то захотелось, чтобы ничего такого там не оказалось. И чтобы, как у Каифы, в царском дворце тоже было темно, громоздко и пахло не так вкусно, как здесь.

Праздничный стол какие-то серебристые тени в непривычных глазу одеждах бесшумно накрывали в комнате, своими размерами ни в какое сравнение не шедшей с помпезным залом собраний, по полу которого в этот самый момент Каифа волок за ухо собственного сына. Ну еще бы! Ведь в том помещении первосвященник иудейский запросто мог рассадить весь синедрион в полном составе, что, кстати, регулярно и проделывал – по четвергам. Конечно, оно было больше. Намного. И все же, несмотря на эту очевидную разницу, подчеркнуто камерный салон ершалаимского особняка Константина, казался просторнее. Воздушнее. – Вот ведь парадокс! Из-за высоченных потолков и бесчисленных светильников наверное. Или из-за множества окон, которые Ав так и не сумел пересчитать, сбившись на четырнадцатом?… И при этом салон был уютнее. Здесь пахло чем-то сладким и невероятно дорогим, но не цветами. Не только цветами. И думать хотелось исключительно о возвышенном.

Совершенно голая мраморная девушка, плевать хотевшая на то, что может способствовать развитию у Ава косоглазия, уводя его от тех самых возвышенных мыслей, преспокойно целовалась с точно таким же, каменным, но только уже не совсем голым римским военным. Непонятно с кем, – он спиной стоял. Но точно не с языческим богом, а судя по одеждам – с самым обыкновенным офицером. Ну, может быть, и не обыкновенным, а чем-нибудь знаменитым. Подойти поближе, чтобы получше его (или ее?) рассмотреть, мальчишка при Константине не решился, хотя очень хотелось. Еще подумает чего… Так что вопрос, почему-то до чрезвычайности интересовавший Ава, – что это был за юноша и как звали его возлюбленную, остался без ответа.

– А ведь и я, наверное, мог бы жить в таком прекрасном доме, —

подумал он, не то, чтобы позавидовав кузену, но с каким-то странным, доселе неведомым ему чувством, проявившем себя непривычным шевелением в горле и под бровями. И тем еще, что захотелось вдруг поскорее, если не прямо сейчас, то и не через двадцать лет стать взрослым, сильным и красивым, как тот полуголый целующийся легионер.

– Как приятно, наверное, быть хозяином такого великолепия. Мария уж точно пришла бы ко мне в гости. Да каждый день ходила бы! Ну, чтобы полюбоваться статуями. Я бы, кстати, еще парочку прикупил. Или затем, чтобы искупаться в моем бассейне. У нее ведь нет такого.

И посмотреть на рыб. Да мало ли зачем! Просто так стала бы забегать, потому что ей было бы приятно со мной поговорить о греческой философии и съесть чего-нибудь вкусного…

Неизвестно, о чем задумывались впервые попадавшие в этот рай люди, но Ав, когда Константин привел его к бассейну и порекомендовал немного поплавать перед ужином для возбуждения аппетита, бросив беглый взгляд по сторонам и заприметив под самым потолком маленькие балкончики непонятного назначения, мгновенно сообразил, где бы он устроил наблюдательный пункт, из которого можно было бы безнаказанно подглядывать за купающейся нагишом Марией. Надо ли говорить, что и все последующие его мысли понеслись в том же направлении? Через минуту он уже, морща лоб, сопя и кусая нижнюю губу, разработал пакет хитроумнейших комбинаций, позволяющих Марии, а точнее вынуждающих ее, не потеряв лица, заглядывать в его шикарный дом.

– Как часто? – Да хоть каждый день! И не обязательно за поцелуй. Хотя, почему, собственно?… Если никто не увидит… Что в этом такого? Ну, в общем, как получится… Здесь надо еще кое-что доработать. А главное, нужно сделать так, чтобы она поверила… Нет, стоп, не поверила, а чтобы ей и в голову не пришло, что здесь за ней может кто-нибудь подсматривать. Ну просто вот нет для этого никакой возможности и все тут! То есть никому это вообще не надо. Подумаешь, голая девчонка! Эка невидаль! Тут вон какие статуи есть… В общем, чтобы она плавала себе спокойно, сколько ей влезет, хоть часами! И чувствовала себя при этом счастливой. Чтобы не хотелось отсюда уходить. И, конечно, чтоб немножко завидовала. Ну, может быть не завидовала… Нет, Мария точно будет завидовать! Что, я ее не знаю? Вот только надо бы еще рыб прикупить и в фонтан запустить. А то я там только семь штук насчитал. И чтоб не только красные были… А бывают зеленые рыбы? Ведь есть же, наверное, где-то… Надо будет завтра на базаре посмотреть. А если на базаре нет, значит нужно будет опять съездить в Кесарию. Там точно найдутся! Чего ж им не быть?… Уж больно она зеленый цвет любит! А мальчишку каменного надо убрать, а то Мария смущаться будет. Или пусть себе писает?… А может закрыть ему чем это безобразие, листком каким? Как на греческих статуях. А как закроешь, если он писает?…

Ав всерьез разволновался. Он даже забыл, зачем Константин привел его сюда.

– Теперь главный вопрос. Она же непременно торговаться начнет насчет поцелуев. Вот как пить дать начнет! И, понятно дело, будет изображать из себя недотрогу. Как будто она вовсе не за тем сюда приходит. А просто так – в гости. Проведать… Можно подумать, – я не знаю, что совсем не Михаэль ей снится по ночам. Когда она ложится спать без рубашки. И почему по утрам она не хочет мне в глаза смотреть. И краснеет так, что… Значит, все-таки начнет ломаться?… – Ну а как? – Обязательно начнет. Само собой… Ну и пусть себе ломается! Она же – девчонка, а девчонкам положено ломаться и строить из себя неизвестно что. Только я все равно буду с ней великодушным. Выше всех этих детских глупостей. И терпеливым. Как политик. Или как это лучше сказать – как политический деятель? Ну, в общем, как Константин. А при чем здесь вообще политика? И в самом деле – при чем? – Да при том, что только настоящий политик может позволить себе такой роскошный дворец. – Вот при чем.

Должно быть давала о себе знать недавняя мигрень. Она не ослепила Ава и не наградила его страшной болью, но окончательно не ушла. И сделала его мысли какими-то мелкими. Да – приземленными, но зато видимыми. Он действительно видел сейчас все то, о чем продолжал вещать в его голове чей-то голос. И этот голос был странным образом похож на голос Иосифа.

– А еще он будет с Марией заботливым. И щедрым, —

уверял кого-то Иосиф, избегая называть имя того, о ком говорил в третьем лице. Ав при этом прекрасно понимал, что говорит все это он сам и говорит, конечно же, о себе.

– Ужасно щедрым он будет. Прямо как царь какой! А что – цари разве щедрые?… Ну неважно, какие там цари, может они и скупые. А вот он зато будет щедрым. Цветы там всякие, бусы коралловые ей станет дарить… И обязательно будет следить за тем, чтобы в доме всегда

были халва и пирожки с абрикосами. И, конечно, он будет с ней очень нежным. Не как Михаэль… Но при этом совсем не будет задаваться… Подумаешь, у нее теперь свои кони… Да он себе в сто раз лучших купит! Сразу шесть… А чего шесть? – Восемь коней купит!… И чтобы все как один черные были! А почему черные? Может, лучше белых купить? Нет, черные ко всему подходят! Точно, черных. Или?… В общем, какие будут на базаре…

Ав вдруг вспомнил, зачем он здесь. А хочет ли он искупаться?

Походил вокруг бассейна, но так и не решился залезть в воду, потому как его слегка мутило и голова была нехорошая. Да и вообще он вдруг почувствовал, что здорово устал.

Что он сказал Константину? – Ах да, что хочет побыть один и побродить немного по дому, привыкая… Непонятно, к чему он залепил это глупое “привыкая”.

Ав отправился изучать дом и, естественно, заблудился. Долго искал выход. Такое с ним случалось постоянно. Он вообще плохо ориентировался. Но не испугался. И про бассейн не забыл. Про то, где надо сделать наблюдательный пункт. А еще он помнил, что его ждут к ужину. Вот когда помогла врожденная сообразительность: он понял, что правильнее всего – просто пойти на запах съестного. Тем более, что он уже и без всякого купания чувствовал голод и поэтому обоняние обострилось.

– А, собственно, что он ел сегодня кроме хурмы? Будь она неладна…, —

пробурчал в его голове Иосиф.

Ну конечно, проголодался он еще у Каифы. Когда принесли мясо, на которое Михаэль накинулся так, будто его три дня не кормили. А у Ава, глядя, как Михаэль пожирает мясо, слюнки потекли. Но Мария тогда затеяла эту дурацкую игру и пришлось смываться.

– Молодец все-таки Константин – сообразил. Господи, какая же она глупая! Вот ведь дурища. Как маленькая в самом деле. Ну почему мать не объяснит ей, что так нельзя себя вести? Что пора бы уже повзрослеть. Ребенка она хочет! Сама как ребенок…

Нестерпимо вкусно пахло жареным фазаном, и Ав давно бы уже оказался на кухне, где наверняка встретил людей, знающих в этом доме все ходы и выходы. Он, собственно, уже к кухне и подошел, да застрял буквально в двух шагах от нее. В коридоре. Встал как вкопанный. Как дурак последний! И простоял так минут десять с выпученными глазами, глядя в никуда. А все потому, что его вдруг осенило! Он понял, наконец, чем оборудует свой бассейн: – он установит там два больших зеркала. Да, именно! Можно, конечно, и три, но это уже лишнее. И так все будет видно. Одно зеркало он повесит на стене, у самой воды, а другое – прикрепит на потолке, возле одного из тех непонятных балкончиков. Эх, если бы Михаэль медную пластину, которую они вместе отдраили до зеркального блеска, прибил не рядом с кроватью, как просила Мария, а поближе к окну, он ни за что не свалился бы тогда с оливы!…

– Да, и вот что: зеркало, которое будет на стене, нужно закрепить намертво. Обязательно сам все проверю. А то мало ли… Чтоб оно висело крепко и Мария не могла его развернуть. А то она вечно все переставляет… Ох ты Господи!… Вот беда! Все пропало… Зеркало ведь будет запотевать!… Как я раньше не подумал об этом, идиот?! Как же теперь быть? Какой все-таки неудобный этот бассейн! Так, спокойно… Надо начертить на пергаменте его точный план и ночью все хорошенько обмозговать. Главное: правильно рассчитать угол. Господи, как тяжело быть богатым!…

Ну и о чем ты плачешь, лиса рыжая?

Спасенный поваром Ав, войдя в салон в одно мгновение забыл и про Марию, и про архитектурные коварства “этого невозможного” бассейна. И вовсе не потому, что фазан уже дымился на столе, вино кроваво мерцало в хрустале и вообще здесь было много таких вкусностей, которые Ав видел раньше только на картинках в греческих книжках. А потому, что кузен был в салоне не один. Ему прислуживали две девушки, – рабыни, – как сразу определил Ав, хотя рабынь он раньше не видел. В Магдале ведь ни у кого не было рабов. Сами как рабы. Все нищие и несчастные. Ну, по сравнению с Константином, а теперь уже и с Авом – точно нищие. В общем, непонятно, почему Ав решил, что это были рабыни. А кто еще?…

Одной из девчонок, той, что посмуглее, родом, вероятно, из Африки, было никак не больше четырнадцати, то есть она была ровесницей Ава. Другая – высокая и худенькая, с печальными глазами – была намного старше. Уже совсем взрослая женщина. На вид Ав дал ей шестнадцать и не удивился бы, если бы Константин вдруг сказал, что ей все семнадцать. В общем, уже совсем старая. Поэтому та, черненькая, ему больше понравилась. Да и по росту она ему больше подходила.

Обе девушки были не просто красивы, а красивы до головокружения! Однако, не их красота отбила у Ава память и способность трезво рассуждать, причем сразу, как только он сюда вошел. А их диковинный наряд. Вернее отсутствие такового. То есть нет, девчонки формально были во что-то одеты. А как иначе? Но сказать, что их плетеные хитоны что-то скрывали, было решительно невозможно. И при этом ни та, ни другая не испытывала от этого портновского ляпа каких-либо неудобств. Напротив, обе они были веселы, раскованы и, вообще, чувствовали себя не как рабыни.

– Интересно, а как должны чувствовать себя рабыни?, —

озадачил себя вопросом Ав и совершенно потерялся, ведь раньше он об этом не задумывался, а тут… —

– Ну, несчастными, наверное, должны себя чувствовать, ведь их силой заставляют…

Нет, служанки несчастными не выглядели. Было непохоже, чтобы кто-нибудь заставлял их делать то, чего они не хотели бы сами. Ну, там, ходить перед Константином почти голыми и садиться к нему на колени, делая вид, что они как будто и не страдают вовсе, а что им это даже приятно! Тут еще и Ав будет теперь бесплатно на них смотреть…

– А с чего ты взял, что они рабыни?, —

поинтересовался Иосиф.

– Ну а кто? – В общем, неважно!, – ответил Ав воображаемому раввину. – Не о том разговор!

– А о чем, собственно?…, – не унимался Иосиф.

Константин, как Ав заметил, успел уже не только переодеться, но даже и искупаться в том самом бассейне, потому что его волосы были мокрыми. Мокрыми они были и у рабынь. Ну конечно, пока мальчишка изучал дом, ему ведь слышался девичий визг и плеск воды! Фантазия заработала…

Кузен восседал за столом в непомерных размеров кожаном кресле, поедая фрукты, названия которых Ав не знал. Напротив стояло еще одно, точно такое же кресло, пустое, и больше в салоне сесть было решительно не на что. Разве что на пол. То есть этот огромный стол был накрыт на-двоих! И Константин кивком головы пригласил Ава присоединиться к трапезе. Мальчишка с опаской погрузился в кресло и совершенно в нем утонул. Впрочем, скоро освоился. Сидеть в нем было даже приятно. Только вот есть не получилось. И виной тому стали уши, которые сделались малиновыми. Да и вообще он весь пошел пятнами. Шея покрасилась и стала, как у леопарда.

Ав изо всех сил старался думать о чем-нибудь постороннем. И не смотреть… Но как? Во-первых, что это за прислуживание такое? Кто так прислуживает?! Нет, он вовсе не придирается. Но разве Темнокожая за Константином сейчас ухаживает? – Скорее уж он за ней. Это ведь он ее кормит! Своими руками. И, если поначалу она просто ерзала на подлокотнике, всячески показывая, что сидеть на нем и есть, постоянно нагибаясь, ей неудобно, так скоро взяла и просто сползла к нему на колени! Ловко так. Нет, ну надо же!…

А когда Константин отослал худенькую поухаживать за гостем и эта гадина, улыбаясь так, словно знала какой-то стыдный секрет своей жертвы, обошла стол и, виляя бедрами, приблизилась к Аву, полагая, наверное, что он слепой и через сеть, в которую она, с позволения сказать, была одета, он ничего не видит!… В общем, сердце его громко забилось и кровь стала приливать… Везде она стала приливать, не только к голове. Аж жарко стало… Так ведь эта мерзавка, как будто так и надо, как будто в этом доме так заведено, залезла на подлокотник его кресла! В этой своей рыболовной снасти!!… А потом и вовсе нагнулась к нему, махнув прохладными влажными волосами по его воспаленной щеке… Да еще руку положила ему на плечо!… Теплую такую… И мягкую… А с чего он взял, что эта ее рука должна быть холодной и костлявой? – Да, худенькая, не как у Марии, но ничего, нормальная рука. Даже приятная.

Она еще что-то сказала, только он уже не расслышал – что. А девчонка всего лишь представилась. И поинтересовалась, как зовут его. Ничего особенного. Чего же так волноваться? Примечательно, что, не получив ответа, она не обиделась, а только улыбнулась. (Мария сразу бы шлепнула его по лбу, чтоб “этот дурак глупый” проснулся и начал вести себя вежливо.) Длинноногая должно быть объяснила себе его насупленное молчание и нежелание есть их “незамысловатое” угощение (Она так и сказала, извиняясь, – незамысловатое. Да ему сроду такой вкусноты никто не предлагал!) естественным высокомерием, ведь все здесь уже знали, чей он брат. Господи, да он с радостью все то, что перед ним лежало, давно бы уже слопал, если бы так позорно не дрожал. Если бы она отошла от него хотя бы на шаг. И что? Она его пожалела? – В каком-то смысле – да. Только не в том, в каком ему хотелось. – Потеряв последний стыд, она съехала с подлокотника к нему на колени. Как та, черненькая, к Константину. Да что они тут, совсем спятили, что ли?!…

И ведь правда, такая мягкая оказалась. Везде. И теплая. Прямо горячая! И вся упругая, живая, легкая. Почти невесомая. Только дышать почему-то стало нечем! А потом она еще запела. Неплохо, кстати. Негромко так пела, чистенько. Старалась. Не забывая касаться его всем, чем только можно… И дышать ему в висок. У них в Магдале так никто петь не умеет! И мелодия была красивой, явно нездешняя. Греческая, наверное… А может римская?… Та, другая, что жила теперь у Константина на коленях и все время неприлично смеялась, когда не целовалась с ним, добыла откуда-то дудочку и стала длинноногой подыгрывать. Лучше бы она этого не делала! Кто ее просил?! Ну раз нет слуха, зачем портить прекрасную музыку!…

А интересно, с чего Ав взял, что музыка и ее исполнение были прекрасными? – Непонятно. Впрочем, может и были. Вот только прекрасными стали уже и тоненькая ключица певуньи, левая, на погибель Ава вылезшая из-под угрожающего свалиться с плеча прозрачного хитона; голубая бьющаяся жилка на ее нежной шее… Ее точеный подбородок, по которому уже несколько раз проехались его ресницы. И прямой нос. Все вдруг сделалось прекрасным. И левый холмик, которым она дышала и которым уже дважды якобы нечаянно ткнулась сначала ему в щеку, а потом в нос. У Марии и у той, бесстыжей, что совращала Константина, он был больше. У Марии – так намного. Но у этой он был просто прекрасен! Хоть и меньше. А почему прекрасен? – Да потому что Длинноногая, а не Темнокожая и не Мария сидела сейчас у него на коленях. Нет, и у Марии все тоже было красивым. Но ведь правда – ее же здесь не было.

Больше всего Ав мучился от того, что видел он пока что только то, что было слева. Притом что все, что росло на певунье справа, возможно, было еще прекраснее, но так уж она села. От запаха ее волос бедняга начал дуреть. Чтобы не потерять сознание он попробовал пред-

ставить, а как там справа… Представил. Стало еще хуже. И совершенно некуда было девать руки!… Посмотрел, как выкручивается со своими руками Константин. Увидел!!… – Кажется, теперь не только уши – даже нос покраснел. Еще раз бросил взгляд через стол. Нет, действительно, в первый раз не ошибся. Минуту соображал, как быть. И вдруг решился. Так, сначала нужно разобраться с левой рукой. Не торопясь… Крепко сжал зубы и попробовал повторить все в точности… вслед за Константином. Если ему можно, то почему, собственно?…

Небеса не упали, и по лицу Ава никто не ударил. Только рот пересох и захотелось кашлять. Если бы Длинноногая сейчас не пела, он бы точно покашлял. А главное, этот проклятый хитон – одно ведь название: что он есть, что его нет!… Головокружение опасно усилилось. Теперь правая рука… Не успел. Только собрался ее пристроить, а певунья в паузу вдруг лизнула его в переносицу… Так, между прочим… Хорошо, что он сидел и падать было некуда. У Марии губы не такие тонкие… Но странно – у этой мягче… И колени у нее не дрожат. Может потому, что здесь тепло и она не мерзнет? А может потому, что она сейчас сидит? Нет, наверное, потому, что поет. И ей сейчас не до глупостей! Она думает о музыке. Ав нечаянно выключил что-то в своей голове, потом перестал слышать музыку и вдруг увидел, о чем на самом деле думает сейчас Длинноногая. – Господи, что там сны Марии!…

Ав был уже практически в обмороке, когда где-то далеко отсюда, не в этом доме, лопнула длинная толстая струна и раздался беззвучный, нарисованный в воздухе стеклянный звон. По салону поплыл вкусный, но не вполне съедобный запах, обладавший кроме всего прочего еще и цветом. Он был невидим, как и полагается запаху, но определенно рыжим! И еще: он напоминал собой лису. Нет, не принадлежал ей, а просто неуловимо был чем-то на нее похож. Ав знал, чем пахнет лиса, – псиной. И ничего хорошего в этом запахе он не находил. Этот же аромат был просто восхитителен! Он обжигал и помогал вспоминать то, чего никогда с ним не происходило, призывая радоваться всему подряд, словно он пьяный или слабоумный. И давать быстрые обещания. Непонятно кому… Одновременно этот запах погружал Ава в странный сон, чем-то напоминающий тот морок, который по ночам впускала в себя зеленоглазая ведьма, позволявшая потом своему мучителю делать с собой все, что ему захочется. Только бы кто-то у нее потом родился…

Странность этого обволакивающего сна заключалась еще и в том, что ему совершенно невозможно было противостоять. Понятно, что и не хотелось. С чего бы вдруг? Но даже если бы такая мысль в голову и пришла, сопротивляться сну просто не получилось бы. Он не спрашивал, чего ты хочешь, или чего боишься. И не дрался с тобой. Не ломился в твои стеклянные двери, а просто входил в тебя… Проникал сквозь твои нервы беспрепятственно, как в прозрачное. Как вода в сухую губку. Он пробирался через тебя, делая с твоим прошлым что-то удивительное, волшебное, непостижимое…

Уже и Леонтина встревожено заглянула сыну в глаза, однако, не обнаружив причин для беспокойства, лишь зябко повела плечами и привычным движением взъерошила его волосы. После чего громко шмыгнула носом и, стянув с его тарелки ломтик дыни, растаяла, не смешиваясь с этим чудесным запахом. Константин проводил тетку напряженным, несколько испуганным взглядом и вытаращил глаза на Ава, словно спрашивая, все ли с ним в порядке. На всякий случай Константин прикрыл ладонью глаза своей темнокожей наложницы, воспринявшей этот жест как начало какой-то новой, еще более откровенной игры и заулыбавшейся кузену уже всем лицом. А обольстительница Ава в этот момент как раз заканчивала свою песню. Она ничего не увидела…

На какой-то момент тишина подарила Аву отрезвление, и его обожгла мысль, что все, что он в последнее время делает – даже не плохо. Что это – преступление. Гадкое и жестокое. То, как он думает о Марии. Что позволяет себе, когда без спросу влезает в ее сны. Да, конечно, они оба вступили в такой возраст, когда в человеке просыпается необузданное. Еще ведь и Иосиф предупреждал, что после некоторых его заданий, кровь в жилах будет закипать с такой силой,

что мозг может взорваться. Мария вон, похоже, с ума уже сходит и ничего с собой поделать не может. Но не она же насилует его по ночам, а он приходит к ней, пользуясь тем, что ее руки и воля связаны его преступным желанием! Правда, она не так отчаянно с ним борется, как могла бы. Царапается только и больно кусается. Но как-то уж подозрительно быстро она сдается. Как будто ей это совсем не противно!…

Краткая минута трезвости закончилось тем, что певунья за свое искусство посчитала себя в праве получить награду, о чем вот так прямо Аву и сказала. Не только глазами. Еще и руками. А вот уже и губы пошли в ход… Ну и… забылась Мария. Вместе с мимолетными угрызениями совести. В конце концов у Принцессы есть жених, так что – всего им хорошего!…

И все-таки, как запах может походить на лисицу? Да еще рыжую… – Ну, когда у тебя на коленях оказывается полуголая девица… Впервые в жизни! Настоящая, живая, которую можно трогать руками и она не рассыпается осколками сна. Более того, которая совсем не против того, чтобы ты как можно скорее удостоверился в ее реальности. И в реальности ее намерений. Не где-то в своих тайных запретных фантазиях. Не залезая на дерево и не портя себе глаза. Как будто ночью с того дурацкого дерева можно что-нибудь разглядеть! В темной спальне Марии. Через маленькое зеркало на дальней стене. Отражение того, что прячется в тени, в медной пластинке, которую почти не видно. Да совсем не видно! С тем же успехом можно видеть все, что тебе захочется, ни на какое дерево не влезая!… А при чем здесь вообще дерево и эти глупые зеркала на потолке?!…

Вот она – живая! Теплая. Настоящая! Длинноногая… Правда, с маленькой грудью, но зато ни на какое дерево не нужно лезть. Все близко. Даже ближе, чем во сне. Вообще никуда идти не надо. Да и не получится: на тебе уже и так сидят. Куда ты пойдешь? Зачем? Если она уже поет… Как она сказала – ее зовут?… А то, что ей шестнадцать лет… Не слишком ли она для него стара? Стоп!… А ведь он у нее скорее всего не первый… Ну а это здесь при чем? Может это как раз и неплохо? Дядя Иосиф говорит, что учиться нужно всему и всегда. Вот он и готов… учиться… Он же не подгадывал и ни о чем таком специально не просил…

В общем, все ясно: аромат, сладкой отравой распространившийся по салону, был рыжей лисой. Вот так. Точка! Никаких сомнений. И при этом он не принадлежал никому из здесь присутствующих! Ав в этом нисколько не сомневался. Что ж он, запахи отличить не может? Вот, например, невинная развратница, что пела ему, пахла прудом, ландышем и корицей. И еще, от ее щеки исходил запах желания. Громкий и непонятного цвета. Не то – синий, не то бирюзовый… От ее любовницы, – той, с дудкой, – даже через большой стол спокойно можно было учуять аромат дорогих, но чрезмерно пряных египетских духов, цвета ночи. А также миндаля. Константин… Так, доигрался, – правая рука стала неметь! Это значит, что мигрень пошла по второму кругу. Певунья мокро лизнула Ава в глаз… Стало горячо и тревожно от дурных предчувствий. Лучше бы она ему шею растерла… Вот не время сейчас целоваться! Кровь быстрой волной отлила от лица, и в ушах отвратительно засвистело. Лоб сделался холодным и покрылся большими каплями пота.

Елена вошла в салон неслышно, но ее появлению как раз и предшествовало то самое дуновение, которое Ав услышал. Не почувствовал кожей или чем там еще чувствуют такие вещи, а именно услышал, – ушами. Странно, что он совсем не слышал ее шагов, хотя она не кралась, а шелест воздуха, заранее принесшего тот удивительный аромат, который и назвать-то человеческим нельзя, он каким-то образом ощутил. Теперь ему стало понятно, кто был той рыжей лисой.

– Да сиди уж, —

целуя Константина в висок, милостиво пощадила она прислужницу, которая, завидев Елену, от испуга уронила свою дудку, и сама при этом с колен хозяина чуть не свалилась на пол.

– А это у нас кто?, —

бросила вошедшая мимолетный, обидно равнодушный взгляд через стол, присела на подлокотник кресла и запустила руку в кудри Темнокожей, которой пришлось изогнуться змеей, чтобы эту ее руку поцеловать.

– Знакомься, родная. Это – мой кузен. Я тебе рассказывал…

– Так он же вроде как умер… Или я что-то напутала?, —

одними бровями изобразила удивление Елена, которую жемчужная сережка, подаренная Константином их темнокожей наложнице, интересовала сейчас куда больше, нежели чудесное воскрешение его родственника. В отместку Ав принялся вычислять ее возраст. Не особенно церемонясь. Впрочем, мысленно раздевать ее, как в последнее время поступал по отношении к любой особе женского пола, встретившейся ему на улице, он не стал. Наверное потому, что до настоящей минуты был абсолютно уверен в том, что Константин холост. И теперь, к своему стыду, он вспомнил, что ни разу не спросил у него, как тот вообще живет и нет ли у него, к примеру, жены.

– Может у них уже и дети есть?, – задался Ав запоздалым, но вполне законным вопросом. – А ведь в ней действительно есть что-то лисье, —

отметил он про себя и подумал, что, должно быть, занял ее кресло.

– А с чего еще ей быть со мной такой холодной? Точно, обиделась. Надо бы встать. Но как? Не прогонять же… Еще и эта обидится. Господи, как же ее зовут?…

– Живой, как видишь, – с некоторым опозданием откликнулся на слова Елены Константин. – Не поверишь, – случайно нашелся.

– Ты говоришь о случайном? Это что-то новенькое. Брат – это хорошо. Представляю, как Август обрадуется, – нахмурилась Елена и как-то странно испытующе посмотрела Константину в глаза. – Может, лучше не находился бы? Все целее будет… Не мучайся, —

вдруг подняла она глаза на Ава. —

– Мне не двадцать. И не двадцать два. Я для тебя уже совсем старая. Будешь спать с одной из них. А можешь с обеими, если захочешь. Поделимся. Принцам здесь все дозволено. Будь спокоен, я их всему обучила. Останешься доволен.

– Я даже и не думал, – оторопело пробормотал Ав, застигнутый врасплох, и опять пошел краснеть ушами. – С чего бы мне понадобилось знать, сколько тебе лет? Очень мне надо…, —

совсем уж зря добавил он и услышал громкий шепот Леонтины над самым ухом, зачем-то сообщившей ему, что Елене столько же лет, сколько и ей. И опять он не дал себе труда разобраться с той странностью, что его матери двадцать четыре года уже много лет. Сколько он себя помнит. А может ему просто хотелось, чтобы ей и через десять лет было столько же? И через двадцать…

– Так нечестно. Тебе подсказали, —

глядя куда-то мимо него, сказала Елена, и Ав вдруг почувствовал, что эта женщина совершенно не боится смерти. Ее боятся все, ну или почти все, а эта гордая римлянка, похоже, даже ищет ее. Находиться рядом с такими людьми бывает жутковато. Они дышат другим воздухом и думают по-другому. Не так, как все. Кто знает, что они сделают в следующую минуту? Может у них и минуты другие…

– Мне действительно двадцать четыре, – выдохнула она. – Все правильно, как и ей… когда-то было. Я в твои годы думала, что столько не живут…, – и вдруг обернулась к Константину. – Слушай, а ты в курсе, что у твоего родственничка мигрень?

– Разумеется.

– Ну а что тогда сидишь? Хочешь, чтобы он у нас тут свалился?

– Да я ему уже все дал, что сам в таких случаях пью… Можно вина еще немного?…

– Господи, какие вы все!…, – с досадой отмахнулась она от него. – А вы на что?, – переключила она свой гнев на девчонок. – Чем заняты? Только об одном и можете думать, шлюхи. Ой, да идите вы все к Дьяволу!, —

и решительно направилась к Аву.

– Вон пошла!

– Что?, – испугалась худенькая и вся сжалась.

– Брысь отсюда!

Елена шлепком смахнула Длинноногую с колен Ава. Зашла к нему за спину и начала массировать ему шею, сильно, не жалея его, со знанием дела.

– Могла бы и сама все это сделать, —

раздраженно отчитала она кого-то, но явно не певунью.

– Отойди от меня! И хватит дыню лопать! Живот опять заболит.

Ав обратил внимание на то, как странно вдруг притих Константин.

– Пей давай!

Елена поднесла к губам Ава бокал с вином.

– Слушай, а ты у нас случайно не девственник?

– С чего ты взяла?

Мигрень начала потихоньку отпускать, но правдоподобно врать Аву было пока еще трудно.

– Да так, показалось… Ну точно – девственник! – Что ты мне голову морочишь? Тогда возьми сегодня вон ту, – кивнула она на темнокожую и деловито принялась за его спину. – Тебе с ней проще будет. А кто такая – Мария? Ну ты свинья! Разве можно так с девочкой обращаться?! Хотя, может, именно так и нужно…

Певунья надулась, чуть ли не плакать собралась.

– А чего ты обижаешься?, – обернулась к ней Елена. – Кто виноват, что он до сих пор тебя стесняется? Эдак вы пол ночи дурака проваляете. Да я не говорю, что ты плохая! Вот идиотка…

– А ты кто?, —

спросил ее Ав. Вышло не очень вежливо, но уж как вышло. В мигрени Ав, вообще говоря, особым умом не отличался, при том, что даже в разгар болезни держать рот закрытым ему не удавалось.

– Я-то?, – немного смутилась Елена. – Да кто меня знает?… Тоже, наверное, шлюха…

– Не начинай…, – насторожено отозвался Константин.

– Да ладно тебе. А кто ж я еще? – Шлюха. Самая настоящая.

– Это как? – изумился Ав.

– Да так. Сплю с одним…

– Елена!

– А люблю другого, – не обращая внимания на Константина, спокойно договорила она. – Кто ж я после этого получаюсь?…

– Ну, наверное, все-таки не шлюха, – как-то очень серьезно проговорил Константин. – Может не совсем счастливая женщина. Но ты же никого не обманываешь…

– Ну конечно!… А шлюхи, кстати, никого и не обманывают. С ними как раз все честно складывается… Так что я даже хуже шлюхи получаюсь.

Ее пальцы со спины перебежали к Аву на затылок и сама она нагнулась к нему, к самому его уху.

– Представляешь, я ведь за твоего брата чуть замуж не вышла. Вот тварь…

– Ну хватит уже!, – не выдержал Константин. – Никто тебя ни в чем не упрекает. А мое предложение по-прежнему в силе. Помни об этом.

– Я помню. Только ведь мы с тобой и спать уже почти перестали. Одно уважение осталось. Это, милый, какое-то кровосмешение получается. Словно брат с сестрой.

– А почему?, —

спросил у нее Ав. Понял, что сморозил глупость и прикусил губу.

– Я тебе потом как-нибудь расскажу, – ответил вместо нее Константин. – Если тебе так интересно.

– Ну ты даешь!, – показав Аву большие глаза, покрутила пальцем у виска Темнокожая. – Глупый, что ли, совсем?

А у нее оказался приятный голос. После того, как Елена для первого раза порекомендовала взять сверстницу, Ав стал находить в этой девушке куда больше положительных черт. Если бы, к примеру, она сейчас снова заиграла на своей дудке, не исключено, что он нашел бы ее вполне приличной музыкантшей. А ее губы, улыбку и грудь он и раньше находил привлекательными.

– Ну не раньше, а, положим, только сейчас все это как следует разглядел, —

уличил Ава Иосиф. —

– Господи, какая тебе разница – когда я разглядел?! Ноги вот только коротковаты… Ну, в сравнении… А зачем сравнивать, ведь Певунья и ростом повыше? И вообще другая. Так что, ничего не короткие! – В самый раз. Точно. Решено! А Певунья – завтра…

– А зачем потом? —

продолжила Елена разговор, начавшийся непонятно когда и с кем. В любом случае, о чем был этот разговор, Ав уже не помнил. —

– Я и сейчас могу ему все рассказать, раз уж мы – почти одна семья. Видишь ли, мальчик, я хочу только одного мужчину. Спать могу с кем угодно, а хотеть только одного. Вот такая я уродка.

– Давай в другой раз!, – чуть ли уже не крикнул Константин.

– А он у нас будет – этот “другой раз”?

– Ну хотя бы завтра…

– Нет у меня больше никаких “завтра”! Я до края дошла!! Неужели непонятно?!, —

внезапно сорвалась Елена. И так же резко вернулась в прежнее состояние. Ну или почти вернулась.

– Да, так вот… Ты представляешь, как мне повезло? – Влюбиться угораздило… А этот дурачок взял и умер. У братца твоего служил. Целым легионом командовал в восемнадцать лет. Убили его под Карфагеном…

Аву показалось, что на шею ему что-то капнуло. Нет, не показалось, вот еще. И еще… Что-то горячее.

– Все правильно, – продолжила Елена в наступившей тишине, непонятно с кем соглашаясь. – Я, собственно, так и сделала. Решила с другими попробовать. Ты думаешь, где он меня подобрал?, – показала она Леонтине глазами на Константина. – Я ведь уже со всеми подряд начала!… Только вот разлюбить не получилось. Так что будь с этими глупостями поосторожнее. С этой заразой!

– Ты о чем?, – спросил ее Ав, понимая, что последние слова были обращены ему.

– Я про любовь. Прости, тебе это, наверное, еще непонятно?

– Очень даже понятно!, – возмутился Ав. – Я тоже…

– Так вот я на старости лет и стала лесбиянкой, – не особо прислушиваясь к своему пациенту, продолжала Елена. – Ну хоть так…

– Ты что же, не любишь моего брата?

Каждый новый вопрос Ава звучал еще глупее предыдущего. Даже Длинноногая, похоже, разочаровалась в нем и, поджав губы, ушла к Константину. Или просто смирилась с жестоким приговором Елены. Темнокожая заерзала на коленях у Константина, заглядывая ему в глаза с вполне понятным вопросом – относительно Ава. Константин пожал плечами, не зная, что еще придумает Елена, а потому не отпускал пока что от себя девчонку, на которую, похоже, строил сегодня планы. Певунья тоже на всякий случай забралась на поручень его кресла.

– Куда ушла? Ну-ка налей, —

приказала ей Елена и Певунья сорвалась с кресла. Обежала стол, налила до краев в бокал Ава вина, дождалась, когда госпожа выпьет, налила еще и отступила.

– Люблю?…, —

не сразу очнулась Елена. Идиотский вопрос Ава как-то уже подзабылся. —

– Не поверишь, люблю. И даже очень. А как можно твоего брата не любить? Да он – лучший на этой земле! Только вот не понимаю, как с ним спать, ведь того, другого, я не разлюбила. Это, наверное, не лечится. Я честно старалась… Думаешь, мне жить не хочется? – Еще как хочется! И детей рожать…

Она нагнулась и, не предупредив Ава о том, какую лечебную технологию собралась применить, укусила его в шею. Прилично так цапнула. Ав дернулся, взвизгнув от боли. Попытался высвободиться из рук сумасшедшей лесбиянки, но Елена крепко прижала его голову к своей груди. Ее ладони закрыли его глаза. Темно, однако, не стало. Разноцветные плавающие круги, в центре которых он оказался, были такими яркими, что сделалось светло как днем. Цвета преобладали желтые. Потом золотое стало перекрашиваться в оранжевое… Кроме кругов Ав начал различать еще что-то. Вернее кого-то… Сначала ему показалось, что это Константин встал из-за стола. Но почему он в латах? И откуда у него меч?… А еще этот запах… Нет, лицо не Константина…

– Ну и о чем ты плачешь, лиса рыжая?, – был задан кем-то вопрос. – Забыла, девочка моя, что смерти нет?

Ав не узнал собственного голоса.

– Что ты сказал?

Руки, закрывавшие его глаза, разжались, и Ав спиной почувствовал, что произошли какие-то перемены. Ему показалось, что женщина, укусившая его, растерялась. Что она чем-то в себе изменилась. Он не видел ее, – она стояла сзади, – но неплохо чувствовал. Даже ростом она стала как будто ниже. Не выше Марии. И еще, Ав готов был поклясться, что услышал, как в ее груди что-то хрустнуло. Словно она громко сглотнула. Или у нее разорвалось сердце. Фиалками еще не запахло, но вкус расплавленного золота у него во рту уже появился. Оказывается, оно тоже имеет свой вкус.

– Ничего я тебе не говорил, пусти, —

сбросил Ав, наконец, с себя ее руки. И в этот момент увидел округлившиеся глаза кузена, обращенные не на него. Темнокожая икнула и свалилась с колен Константина. Шлепнулась прямо на пол. Больно, наверное, стукнулась. Но не вскрикнула и даже не охнула, а, не вставая с четверенек, быстро поползла за кресло. Худенькая юркнула следом за ней.

– Повтори, что ты сказал, —

услышал Ав за своей спиной женский голос. И не понял, кому он принадлежит. Точно не Елене. И не матери. И вообще, какой-то незнакомый. Стоп, что значит незнакомый?!… —

– Как ты меня назвал?

В наступившей пугающей тишине Ав слышал, как за его спиной продолжают происходить беззаконные превращения. —

– Ну ладно, Виталий, поздно уже, – услышал он и похолодел. – Вечно ты где-то допоздна шляешься, а я тут одна… Замерзла совсем. Идем, согреешь меня. Хватит тебе возиться. Ешь давай быстро. И вина еще выпей. Эй, где вы там?, —

крикнула стоявшая за спиной женщина, как Ав понял, крикнула она девчонкам, но те вылезать из-за укрытия не захотели. Тогда поднялся Константин. На деревянных ногах он обошел стол и налил в бокал Ава неразбавленного вина. Молча. Руки его дрожали. Ав накинулся на еду. Мигрень странным образом прошла и аппетит проснулся просто волчий. Он не ел, а пожирал остатки фазана, с хрустом перемалывая даже его кости. Чуть не захлебнулся вином. Закашлялся. И тут же получил удар по спине. Однако, не обернулся узнать, кто это его лупит.

А крепкий такой удар! Зато кашлять перестал. И единственное, о чем он думал, что повторял словно заклинание, – что оборачиваться не нужно.

– Ну их всех… Вот просто не оборачивайся и все…, – поддержал его Иосиф. – Все хорошо, но только не оборачивайся. Чего ты там не видел? И совсем не страшно. Ничего же не случилось. Чего они все так перепугались? Подумаешь… Главное, не оборачивайся!

Время заполночь… Заснула…

– Ты можешь есть быстрее?! И хватит уже пить! Пойдем скорее. Сначала искупаешь меня. А где твоя спальня? И не забудь, – груши для меня захвати, а то забываешь все время.

Мария, потеряв терпение и не особо полагаясь на память Ава, перегнулась через его плечо и подхватила со стола корзинку с грушами. Константин как стоял с кувшином вина в руках, так и остался с ним стоять. Такое ощущение, что он и дышать перестал.

Да чтоб он сгорел, этот твой Ездра! Чтоб его разорвало!…

В доме первосвященника все еще спали, когда в потайную комнату, о существовании которой где-то под самой крышей мало кто догадывался, вошел человек без лица и растолкал Каифу. Про деликатность он как-то забыл. Даже не постучал. Бывает. Должно быть полагал, что хозяин не спит. Что в такой день он просто не сумеет заснуть. А чем еще можно оправдать подобную бесцеремонность? Взял, ввалился, как к себе домой, да еще наследил кругом. Ноги, кстати, мог бы и вытереть. Деревенщина!… Ну да Бог с ним. Каифа долго привыкал к шокирующим манерам своего секретаря, а, точнее говоря, учился не замечать их полное отсутствие, в общем как-то его терпел, потому что доверял этому дикарю такие секреты, какие не доверяют даже самым близким людям. Не без оснований не доверяют, надо сказать. Это насчет близких. В общем, секреты были. Еще какие! К тому же этот неандерталец, обладавший феноменальной памятью и невероятной физической силой, говоривший на четырех языках кроме арамейского, исключительно квалифицированно исполнял в том числе и такие поручения, которые запросто могли бы разрушить представления обычного человека о том, каковы обязанности и назначение первосвященника одной из великих религий. Его роль в политике и быть может не только Израиля. Впрочем, не об этом сейчас…

В общем, ввалился, наследил и растолкал… Да, еще углядел стоявший на столике почти полный бокал с красным вином. Ни мало не смущаясь сгреб его своей грязной мохнатой лапой, понюхал, залпом осушил и, непонятно чему радуясь, проорал в самое ухо Каифы:

– Первосвященник, ты был прав! Наш Ездра именно сегодня совершит самую большую и, надеюсь, —

добавил он, изобразив на том, что у других людей называется лицом и чего у него отродясь не было, улыбку, —

– последнюю глупость в его жизни. —

после чего уселся на кровать, прямо на чистую простыню, чуть не на ноги Каифе, дождался, пока успокоится его дыхание, и уже почти нормальным человеческим голосом, не причиняющим вреда барабанным перепонкам, приступил к рассказу о том, что четырнадцати членам синедриона, которым “этот мерзкий смутьян умудрился задурить их бараньи головы”, ночью были разосланы письма, —

– Вот такие, —

вытащил он из кармана маленький, неровно обрезанный по краям кусочек пергамента, аккуратно сложенный пополам и перевязанный алой ленточкой, на котором детским почерком было с чудовищными ошибками нацарапано: “Сбор в полдень у восточных ворот около большого сломанного дуба, под которым обычно сидит торговец лимонной водой”…

– Должно быть его сын писал, – предположил секретарь.

Явиться заговорщикам настоятельно рекомендовалось “во всем белом, чтобы не быть узнанными”, а для верности предлагалось “обязательно еще надеть капюшоны.” Именно так и было написано в конце: – “обязательно еще надеть капюшоны”. Подписи не было. Зато к этому шедевру каллиграфии прилагался красивый вензель, непонятно что означавший.

Каифа пошевелился. Открыл левый глаз. Пробежал им по сунутому буквально ему под нос пергаменту. Хмыкнул. Глаз закрылся.

– Это чтобы их секрет не раскрыли!, —

развеселился слегка захмелевший секретарь. —

– Ты представляешь? Вот идиоты! Во всем белом они придут! Чтобы их не узнали! Четырнадцать человек и все в капюшонах… Не вызывая подозрений… Ха-ха! Ну так вот… В храме они, значит, соберутся под предлогом…, —

не зная, как расценить молчание шефа, начал комментировать прочитанное Безликий. —

– Понимаешь, они придут туда якобы для того, чтобы лицезреть Мессию. Только для этого. Ты меня слышишь?

Здесь секретарь, которому показалось, что Каифа стал тихонько похрапывать, довольно чувствительно ткнул его локтем в бок. Так, на всякий случай. Каифа обиженно засопел, но глаза не открыл. И человек без лица продолжил:

– Отличный повод. Здорово придумали. Ничего не скажешь… Кстати, ты помнишь? – В тот самый час в храм приведут детей. Ну, тех, что приехали к тебе вчера из Магдалы. Ты ведь именно так распорядился?

Безликий покашлял, опасаясь, как бы Каифа, по-прежнему лежавший с закрытыми глазами, чего доброго и в самом деле не уснул. —

– Может, мы здесь что-нибудь поправим?

Каифа молчал. Но шмыгать носом не перестал. Стало быть не спал – думал.

– Что, ничего менять не будем? А то я от этой сволочи уже всего ожидаю. Любой подлости. Чтобы Ездра да упустил шанс втянуть в свою поганую игру детей! Тем более, что они придут от тебя… Нет, ну правда. Ты ведь раньше только главным старейшинам позволял разговаривать с этими, как их… Ну, которых уводят потом за городские ворота… И только у тебя была привилегия отговаривать их. Может не будем дразнить Ездру? А еще… девчонка в храме. И чтобы ей вдруг доверили отговаривать самоубийцу? Не слишком ли ей большая честь?… Ну, не самоубийцу… А как их еще называть, в самом деле?!… Тут ведь уже не только Ездра взбеленится. Это же неслыханно! А может, правда, не будем детьми рисковать? А? Нет, это я так. Я как ты скажешь. Значит, ничего менять не будем?…

Так и не получив ответа, секретарь немного помолчал, посопел и сообразил, что пора переходить к другим темам. Он с грустью оглянулся на пустой бокал, облизнулся и доложил, что Ездра уже в курсе того, что Валерий Грат отплыл в Рим, что его временно замещает Константин, и что принц сейчас в Ершалаиме.

– То есть этот гад знает, что перстень в городе.

Человек с лицом, на котором невозможно было разглядеть каких-либо подробностей, вдруг понял, что о детях он заговорил напрасно. Обычно он не допускал столь грубых ошибок. Вино, наверное, было неразбавленным. Или потому, что выпил его натощак.

– Вот угораздило же меня!, —

разволновался он и в голове запрыгали испуганные мысли:

– Ведь еще на прошлой неделе решили, что дети обязательно должны присутствовать на этом представлении. Вот и пусть себе сходят в храм. На здоровье! Там красиво… Я-то здесь при чем? Посмотрят на сумасшедшего… Как этот дурень попросит надеть ему на палец перстень прокуратора. Кстати, а где он – перстень? Что-то я не видел его вчера на Константине… Точно, пусть себе идут. Что им там сделают?… Потому как, если Каифа что-то затевает, значит, он обо всем подумал. В любом случае это уже не мое дело. Чего я в конце концов полез? Ну конечно! Все правильно! Не просто же так он их туда посылает. Зачем-то ж ему нужно, чтобы они оказались в храме именно в тот самый момент! И дернул же меня черт пристать к нему со своими страхами! Кто они мне? – Вот именно! Да если их там даже на куски рвать начнут… —

и бесцветный, стараясь избегать многоречивой патетики, поспешил выразить свое запоздалое восхищение проницательностью шефа, ведь:

– Как и было предсказано мудрым Каифой, так все и получается: Ездра действительно учинит бузу не где-нибудь, а в храме. И, главное, ты ведь даже день угадал!

Безликий посмотрел, как реагирует первосвященник на его слова. – Никак не реагирует. Делает вид, что спит. Убедившись в том, что в действительности Каифа его слушает, секретарь продолжил:

– Итак, как только самоубийца (Ну а как прикажешь мне его еще называть?! Не Мессией же в самом деле! Прости Господи.)… Так вот, как только самоубийца пропоет формулу своего чудесного прозрения, будто бы он разгадал великую тайну Колесницы, эти идиоты с уже подписанной ими бумагой (еще вчера, сволочи, подписали, все до единого, дома у Ездры, я сам видел)… В общем, с бумагой, приговаривающей тебя, первосвященник, к отречению… —

он опять как бы нечаянно ткнул своего притихшего слушателя в бок, —

– они толпой побегут к дому принца…

– Где их будут ждать верные нам старейшины, – вставил, наконец, свое слово Каифа. – И, на всякий случай, римские солдаты…

Каифа помолчал, вздохнул, приподнялся на локтях и потянулся к бокалу. Обнаружив, что тот пуст, он бросил красноречивый взгляд на секретаря, который стыдливо отвернулся и сделал вид, что решительно не понимает, в чем его обвиняют. Каифа собрался было уже высказать ему, какой он скотина, но передумал и начал переворачиваться на бок, потому как не умел спать на спине. Но вдруг замер и, не выдержав, вызверился:

– Да чтоб он сгорел, этот твой Ездра! Чтоб его разорвало, подлеца! Вот ведь мразь какая! —

после чего, выпустив лишний пар и успокоив таким образом душу, благостно чему-то улыбнулся, мысленно отпустил секретарю все его прегрешения, в том числе и будущие. Простил ему даже выпитое вино, сладко зевнул, перевернулся на бок и с удовольствием подумал о том, как здорово, что ни к какому Ироду он сегодня не едет и может спать хоть до обеда.

Обсуждать технические подробности нейтрализации Ездры и его клики, многократно уже проговоренные, нужды не было. Посему Безликий, закругляясь, ограничился лишь коротенькой сводкой ночных новостей и последних сплетен, пожелал затылку первосвященника доброго сна, еще раз с надеждой оглянулся на пустой бокал, ожидая чуда, и, не дождавшись его, направился к двери.

Практически уже засыпая, Каифа, по инерции оглянулся на вчерашнее и, выхватив натренированным взглядом единственное белое пятнышко, не оборачиваясь, догнал секретаря вопросом:

– Не сболтнул ли кто из гостей, когда я отлучался, чего такого, что мне следовало бы знать?

Серый человек на мгновение задумался, почесал клокастую, уже давно немытую двухцветную бороду (рыжую и местами черную), и ответил, что:

– Нет, ничего такого никем сказано не было. Разве что… Но это, впрочем, ерунда… Девчонка… —

и, уже приоткрыв дверь, непосредственно за которой змеей стекала вниз крутая лестница, повторил слова Марии, произнесенные ею своему опозоренному и поверженному врагу. Всё до последнего слова пересказал, словно по бумажке читал. —

– А больше вообще никто ничего не говорил. Ну, сын твой, конечно, еще пару раз открывал рот. Но что такого он мог сказать? Он же совершенно… ну, ты знаешь… Ведь у него только одно на уме – чтобы ты поскорее умер. Ни о чем другом думать не может. Хорошо, что он у тебя глупый. А то бы мы с ним намаялись. Кстати, ту бумажку, что я тебе показал, Ездра просил передать ему. Лично в руки. Даже денег мне за это дал. Я уж потратил немного. Ничего? Ну а что? – Сандалии прохудились. И одежа вся драная. Не у тебя же просить. Все равно не дашь. И еды еще кое-какой купил…

После того, как секретарь ушел, Каифа минут десять неподвижно лежал на боку. Казалось, что он мирно спит. Стояла такая тишина, что было слышно, как где-то внизу, ужасно

далеко отсюда, во внутренний дворик дворца конюх стал выводить лошадей и те, чем-то недовольные, фыркали и ржали. Но вот Каифа повернулся на спину и открыл глаза. Сна в них не было совершенно. И меньше всего первосвященник думал сейчас об Ездре. Он вспоминал, что именно говорил китайчонку. И вспомнил…

Чуть насмерть меня не уходил.

Как оказалось, не только Безликий провел эту ночь без сна. Многие члены синедриона тоже не сомкнули глаз. В основном те, что получили от Ездры послания. Ну, с этими все понятно – их не жалко…

Не до сна было и начальнику тайной стражи, потому как случилось много всякого. Вот только войны еще не хватало! К тому же из головы не выходил этот нелепый мальчишка с безумными глазами, прискакавший из Магдалы в Кесарию поздно вечером чтобы сознаться сразу в двух преступлениях, одного из которых он точно не совершал. Просто никак он этого сделать не мог. Одет был вполне прилично. Не оборванец. Слава Богу, хоть приехал затемно. Так что в Кесарии его никто не видел. Арестовывать мальчишку начальник тайной стражи не стал. Отправил его обратно домой, приказав держать рот на замке и сделать так, чтобы никто в Магдале не узнал, что он вообще покидал город. Хорошо еще, что отца дома нет. Где-то в отъезде.

Не удалось заснуть и молодому человеку, прибывшему накануне в Ершалаим из Капернаума. Вроде как и лег не голодный, но так странно ему показалось спать в свой последний день. Все лежал, ворочался и думал о сестре. О том, что теперь над ней, наверное, уже не посмеют издеваться. И о том, почему так несправедливо сложилась его жизнь. Вроде неплохо начиналась. И дела шли лучше некуда. Но вдруг… Прямо как у Иова, у которого Бог, поспорив с Дьяволом, в один прекрасный день отнял все. Чтобы испытать его. С Иовом все понятно, хоть и обидно, но только ему Бог вернул потом все обратно, ну, что забрал. И даже больше ему дал. Так что Дьявол остался с носом. Не удалось Дьяволу переиграть Бога. А ему? Он же не Иов! Вот за что, интересно, все это ему?! Впрочем, поздно уже… Главное, не сильно испугаться в последнюю минуту. Не начать дрожать. Может ведь и такое случиться. Нехорошо будет. Смеяться же начнут. Он, вообще-то, не очень храбрый… Глупо, конечно, умирать. И страшно. Ужасно страшно! Но ведь нет же другого выхода. А эти вроде как пообещали…

Не довелось уснуть в эту ночь и Константину. Принц, правда, и не думал ложиться. Так же, как и девчонки. Темнокожая с Певуньей всю ночь просидели у него на коленях. Жались к нему словно напуганные грозой котята и по очереди принимались плакать. Затихли только под утро. Но даже и тогда не уснули…

Приехавший в Ершалаим на рассвете и вошедший в странно безмолвный дом временного прокуратора Иудеи начальник тайной стражи был – как бы это помягче сказать – несколько озадачен представшей его взору картиной. Да, пожалуй, именно так: озадачен.

Никаких вопросов, однако, он задавать не стал, поскольку понял, что никто ему на них все равно не ответит. Вот просто не сможет этого сделать. Что, собственно, не сможет – внятно ответить? – Нет, элементарно раскрыть рот. А что здесь произошло что-то нехорошее, он и сам догадался. Причем сразу. Не дурак все-таки. Не первый день на свете живет.

– И насколько нехорошее?, —

разглядывая застывшие фигуры, попытался определить начальник тайной стражи если не масштаб, то по крайней мере характер катастрофы. И сам себе ответил:

– Ну, как если бы, к примеру, кто-нибудь умер. Внезапно и прямо здесь – у них на глазах. Да еще, не дай Бог, не своей смертью. Или даже того хуже, —

прибавил он, помня, что первые версии, в пользу которых, как правило, свидетельствует лишь их кажущаяся очевидность, обычно не бывают последними. —

– Хотя что может быть хуже?, —

Он понюхал воздух, который был пропитан даже не страхом, а какой-то липкой, раскрашенной коричневым пустотой, и вдруг поймал себя на том, что боится смотреть на сидящих в кресле призраков. —

– Ну, девчонок, положим, можно было напугать какой-нибудь ерундой, просто страшной историей, рассказанной в темноте. Тоже мне проблема, заставить малышню визжать от ужаса. Я таких историй тысячу знаю!

Начальник тайной стражи почувствовал, что сворачивает куда-то в сторону. Куда-то не туда.

– А почему, собственно, я начал вилять?, – продолжил он диалог с самим собой. – Это еще что за новости? И все из-за того, что я не могу разродиться нормальной версией? А может потому, что не хочу знать правду? Вот и придумываю. А, собственно, на что я так боюсь посмотреть?, —

и нехорошие догадки полезли в голову. Даже пить захотелось. И выйти на воздух. —

– А в самом деле, что это я распсиховался? С каких пор я стал бояться пустоты? И при чем здесь страшные сказки, рассказанные на ночь? При чем здесь вообще девчонки? Да я их первый раз в жизни вижу. Наплевать мне на них! Это, наверное, любовницы Елены… Я что-то слышал… В Александрии их себе купила… А вот на что мне не наплевать, – начальник тайной стражи потянул носом, – так это на то, почему глаза Константина превратились в стекло. Интересно, что же они тут увидели? И чем здесь так странно пахнет?

Начальник тайной стражи принюхался и понял, что за последнюю минуту он по крайней мере дважды терял сознание. Пусть на мгновение, но терял! Не раздумывая, он встал под ледяные струи водопада… Помогло. Немного приободрился. И запах перестал так уж сильно пугать. Только вот голова еще немного кружилась и снова захотелось стать маленьким.

А запах тем временем уже сделался синим и определенно приятным. Во всяком случае его уже нестрашно было вдыхать, потому что он напоминал… Нет, невозможно вспомнить, что именно…

– Да, действительно, сильная картина, —

сказал он себе, смело глянув в сторону тех троих. И решил больше не паниковать, несмотря на то, что противный холодок таки залез к нему за шиворот, свил там паутину и начал расползаться по спине клейким ядовитым ознобом.

– Чтобы довести принца до такого состояния, надо было очень постараться. Интересно, что ж тут случилось?, – снова спросил он себя, пытаясь унять дрожь. – Кто бы мог такое с ними сделать?

Ответа на этот вопрос, естественно, не последовало. Логика молчала. Интуиция работать в таких условиях тоже отказывалась.

– Да, грустная картина.

Начальник тайной стражи прошелся по салону, делая вид, что ему нестрашно.

– Итак, что мне тут непонятно?, – зашел он с другого конца. – Что вообще здесь не так?, – и сам себе ответил: – Да тут все не так! В первую очередь то, что эти трое ничего не предпринимают. А ведь, если бы они что-нибудь натворили, или им кто-то угрожал… Но они ведь даже не защищаются! И не заметают следы. Не зовут на помощь, а просто сидят и молчат. Словно и правда окаменели. Словно они чего-то ожидают. Как будто кошмар, с которым невозможно сражаться и от которого бессмысленно бежать, еще впереди. И что, этот ужас случится при мне?…

Фантазия начала рисовать что-то уже совершенно непотребное:

– Вот сейчас огромный железный хвост снесет стену. Нет, не эту. Вон ту. И Тот, с мерзкими когтями, ужаснее которого не бывает, заползет в тебя. Он даже умереть тебе не позволит. Не так быстро во всяком случае, как тебе захочется. Как же они его здесь называют? – Сатаной, кажется… Бежать? Я ведь еще могу двигаться… Я же еще не окаменел. Как эти трое… Стоп!, —

Начальник тайной стражи устыдился минутной слабости и снова забрался в далекий сицилийский водопад, из которого вся деревня брала воду. Встал под оглушительные счастли-

вые струи. Вернулся в детство, в котором было столько неба! И мать никогда не могла дозваться его ужинать… Через минуту он уже знал, что никуда не уйдет. И не только потому, что обязан охранять прокуратора. А еще потому, что захотел увидеть сам. Что бы это ни было! Он ощупал кинжалы, спрятанные за поясом и усмехнулся своим приготовлениям.

– Как будто это может защитить. – Тут не кинжалы нужны!

Он уже понял, откуда придет неведомое. Из-за какой двери сюда войдет невозможное. Собственно, определить это было несложно. Достаточно было взглянуть на мумии. Их слепые глаза куда-то ведь смотрят. И потом – запах… Начальник тайной стражи попробовал взять себя в руки, отвлечься. И удивился тому, как легко это ему удалось. Во всяком случае руки потеть перестали.

– Так, зачем я здесь?

Он вспомнил, что явился к временному прокуратору Иудеи с обычным утренним докладом.

– Ну вот и отлично, —

прокашлялся и начал с неприятностей. Громко, как будто его здесь кому-то могло быть плохо слышно. Как будто его кто-то вообще слушал…

Первой новостью было то, что на востоке отмечены подозрительные перемещения войск слишком уж настойчиво заявляющего о своем дружелюбии соседа.

Вторая заключалась в том, что одноглазый до сих пор не пойман и неизвестно, где, сволочь, скрывается, почему принято решение усилить меры личной безопасности прокуратора, а также известной им обоим особы.

Третья новость касалась все той же особы и прискакавшего этой ночью к начальнику тайной стражи безумца, решившего повесить на себя сразу два страшных греха, первый из которых был явно не его, а второй надлежало еще аккуратно, без лишнего шума расследовать, хотя особых сомнений насчет того, что именно он вчера днем, купаясь в озере, утопил своего приятеля, не было. Уж очень правдоподобно звучали в его устах детали. Пирата, кстати сказать, утопил. Что до убийства римского офицера, – “случайно бросил из пращи камень и попал в висок”, – то здесь начальник тайной стражи, которому девчонки явно мешали говорить свободно, сказал, что мало доверяет словам малолетнего преступника, который судя по всему себя оговаривает, но, кажется, понимает его мотивы. Мальчишка ночью был отправлен обратно в Магдалу. Ему велено обо всем молчать и затаиться. Никому о поездке в Кесарию не рассказывать и вообще вести себя “как обычно”, не привлекая к себе внимания, потому как возникла одна мысль…

И вдруг начальник тайной стражи замолчал. Не потому, что его здесь никто не слушал, и говорил он словно в пустой комнате. Сам с собой. А потому, что скрипнула дверь. Мертвые лица Константина и двух уже неспособных плакать девушек перестали быть мраморными. Они сделались восковыми и, казалось, что начнут сейчас таять. Начальник тайной стражи вытащил из-за пояса кинжалы и спрятал их в рукавах. Передумал. Один быстро засунул обратно за пояс. Второй крепко зажал в руке. На виске проснулась маленькая жилка и щекотно забилась. Во рту пересохло. В коридоре послышались неровные шаркающие шаги. Они приближались. И вот тут уже отчетливо запахло фиалками… Ну точно, это же их аромат он все время слышал! Запах просачивался сюда оттуда – из-за этой самой двери. Далекий. Прекрасный. Очень тонкий. А сейчас словно кто-то разбил за дверью целый флакон духов…

Елена вошла в салон явно не ожидая здесь кого-либо застать. Да она и не сразу увидела людей. С трудом передвигая не слушающиеся ноги, она доковыляла до стола и принялась не есть, а буквально пожирать все, до чего могла дотянуться, запихивая в рот еду обеими руками. Словно несколько дней не ела. Естественно, сразу же подавилась. Еще бы, так торопиться. Схватилась за бокал Ава. Выпила одним громким глотком все вино, которое в нем оставалось,

попробовала налить из кувшина еще, но даже двумя руками не смогла его поднять. Сил уже не было. Никаких.

Начальник тайной стражи словно из другого мира – из тени своего ужаса – шагнул к Елене и подхватил падающий кувшин. Только в этот момент она его и заметила. Даже вздрогнула от неожиданности. Однако уже в следующую секунду оправилась и приветливо заулыбалась. Удивилась, конечно, но, похоже, и обрадовалась тому, что оказалась не одна в этом странно опустевшем доме. Опять же, кто бы еще налил ей вина! И вдруг покраснела. Прямо пунцовая стала. Опершись о спинку кресла, она какое-то время соображала, не сесть ли ей в него, однако поняла, что, если сделает это, то уж точно из него не выберется. Прямо в нем и заснет.

– А ты давно здесь стоишь?, —

спросила она единственного во всем доме живого человека. Спросила, не глядя ему в глаза, сильно заплетающимся языком, хотя непохоже, чтобы была пьяна. Просто ее не слушались уже не только ноги.

– Пару минут, —

Начальник тайной стражи постарался ответить как можно спокойнее. Хотел сделать это даже развязно, но не получилось – голос предательски дрогнул.

– Так что самое интересное я, похоже, пропустил. Здравствуй, Елена.

Слова приветствия дались ему уже проще, однако, для того, чтобы поцеловать ее в щеку, ему пришлось совершить над собой некоторое усилие и рука, сжимавшая в рукаве кинжал, чуть не раздавила рукоятку. Удостоверившись в том, что щека у девушки теплая, другими словами, что перед ним обычный, а, главное, живой человек, он почувствовал себя увереннее и сказал себе, что умрет позже, не прямо сейчас. Даже улыбнулся.

– Давно не виделись. Валерий Грат о тебе все время спрашивает. Совсем нас забыла, бессовестная. Носу не кажешь. А, кстати, неплохо выглядишь, —

пошел он заговаривать ей зубы, одновременно лихорадочно соображая, что же такого могло случиться за этой дверью. Почему Константин и девчонки с таким ужасом смотрят в бездну, из которой Елена только что вышла, изрядно помятая, но все-таки на своих ногах? И, что любопытно, без всякого ужаса в глазах. Что там – за этой дверью? Или кто? И что такое известно этим троим, чего не знает она?

– Слушай, он у тебя там вообще живой?, —

изобразив хитрую улыбку, бросил пробный шар начальник тайной стражи и, подмигнув, кивнул на ту самую дверь.

– Да он-то живой, —

с неожиданной готовностью подхватила Елена, изумив своего собеседника даже не тем, что и с какой интонацией сказала, а тем, что в ее голосе ему послышалось что-то такое… —

– Нет, а вот этого никак не может быть, —

мотнул он головой, стряхивая наваждение. —

– Спать ложиться нужно по ночам. Хотя бы изредка, – сказал он себе, – Эдак ведь и загнуться недолго, если уже сны начинаю наяву видеть. Докатился!

– Что ему сделается?, – продолжала тем временем Елена. – Сделал свое дело, паршивец, чуть насмерть меня не уходил, и спать завалился. Ты представляешь, дрыхнет сейчас себе преспокойненько, а я тут с голоду помирай! Вот какие мужчины теперь пошли. Мог бы, между прочим, сам за едой сбегать. И мне в постель принести, —

Что-то непохоже это было на жалобу. Да она определенно хвасталась! Хоть и смущаясь… Как отчаявшаяся и ни на что уже не надеявшаяся девчонка, неожиданно получившая свое. И даже с избытком получившая.

– Ну, главное, чтобы все были целы. И довольны, —

подмигнул Елене начальник тайной стражи, по-прежнему не забывая улыбаться и не сводя с нее глаз, превратив себя в сухую губку, жадно впитывающую любой намек, все, что хоть как-то сможет пролить свет на распространяющееся вокруг безумие. И в этот момент первый лучик солнца, переползший через перекладину окна, уселся на щеку смеющейся, не перестающей жевать Елены. То ли необычное освещение так сыграло, то ли действительно сказалось хроническое недосыпание, когда глаза начинают видеть то, что им подсказывает вчерашнее, на мгновение вдруг всплывшее сновидение… Он даже не мог вспомнить, кого именно увидел…

– Не пойму, ты похудела, что ли?

– Если бы!…, – отмахнулась от комплимента Елена. – В мои годы уже не худеют.

Однако, не преминула себя оглядеть, что было удивительно и что еще более насторожило начальника тайной стражи.

– Ее снова стало волновать, как она выглядит? Любопытно…

– А и правда, – растерянно протянула Елена, перестав есть.

– И ростом как будто пониже стала, —

отметил про себя начальник тайной стражи. То есть не вслух сказал, а всего лишь подумал. Ни звука не произнес! Но она услышала…

– Просто я босиком сейчас…

И эта ее странная попытка оправдаться… Рука, сжимавшая кинжал, побелела.

– Здесь что-то не то…, —

напрягся всем телом начальник тайной стражи, стараясь не обнаруживать своего испуга. —

– Она что, меня еще и слышит? Да что с ней такое?, —

и вдруг непонятно почему ему вспомнились вчерашние катания на ипподроме. Мелькнула перед глазами бешено мчащаяся колесница. И пропала.

– Нет, она, конечно, тоже – девчонка непростая, но точно не из их компании. Здесь что-то не чисто!

– Я правда босиком!…, —

попыталась настоять на своем Елена и вконец потерялась. Вот теперь он был почти уверен в том, что и говорит она не своим голосом. То есть своим, конечно, но…

– И вообще, она ведет себя как двенадцатилетняя девочка. Что это еще за хвастовство постельными успехами – “Чуть насмерть меня не уходил”. – Это же совершенно не ее стиль. Елена – из семьи уважаемых патрициев. И потом, все знают, что мужчин она теперь к себе близко не подпускает. Константина, правда, иногда удостаивает… Но исключительно его. И только по большим праздникам. В таком случае, кем же она мне сейчас хвастается? Да еще при Константине! Он же их обоих сейчас!!… Впрочем, принц, похоже, сейчас опасности ни для кого не представляет. Ему бы самому…

– А что, я правда ниже ростом стала?

– Ну, с возрастом это со всеми случается. Так что особо не расстраивайся, —

отшутился начальник тайной стражи, стараясь подбодрить не столько ее, сколько себя. —

– В определенном возрасте все мы начинаем вниз расти. Кстати, а сколько тебе? Извини, забыл…

– Не помню, —

честно призналась Елена. Он видел, что она действительно пытается вспомнить. И не может! —

– А что ты там говорил?… Что у меня должно расти?

– Ну, это я сказал…, – мозги заработали на полную катушку. – Я сказал, что, если у тебя еще горб начнет расти, так ты и вовсе будешь под стол пешком ходить.

Блистательно выкрутился. Молодец! Даже самому понравилось.

Следующий бокал пошел как родной.

– Вот хам!, – оттаяла Елена и улыбнулась, – Еще налей. И хватит мне голову морочить! Сам иди под стол! Дурак глупый. Не видишь, что ли, в каком я состоянии? Слушай, а я что, правда громко орала?

– К сожалению не слышал. Я ж тебе говорю – только пришел.

– К сожалению!, – передразнила она его. – Вот именно!, – пошли пьяные откровения. – Ну да… А что? Даже если и кричала. Я не помню…

– Ты сама-то жалеть ни о чем не будешь?, – осторожно поинтересовался начальник тайной стражи.

– С ума сошел?! Да я…

– А знаешь, ты и правда отлично выглядишь. Прямо расцвела вся. И пахнешь как-то…, —

стал уносить ноги из этих дебрей начальник тайной стражи, обратив внимание на предостережение, написанное в просыпающихся глазах Константина и девчонок, временами уже поглядывавших на него.

– Да, пожалуй, не стоит особо зарываться, —

согласился он с ними.

– Ой, да ладно тебе, расцвела…, – еще шире заулыбалась Елена, – Скажешь тоже!, – однако не успокоилась и спросила: – А чем, кстати, я пахну? Только гадости не говори!

– Да не пойму. Как-то очень вкусно. Вы там что, на цветочной клумбе все это проделывали? А знаешь, мне раньше казалось, что у тебя серые глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.